

Сергей Подгорнов

Родился в 1956 году в г. Анжеро-Судженске Кемеровской области. Окончил Дальневосточный государственный университет, отделение океанологии. Работал в г. Владивостоке и в г. Анжеро-Судженске инженером-конструктором, корреспондентом газеты, инженером по охране труда. Ныне пенсионер. Печатался в журналах: «Дальний Восток», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Сибирские огни» и в коллективных сборниках. Издал две книги стихов и книгу прозы. Член Союза писателей России. Живёт в г. Анжеро-Судженске.

Ну — будем!

(повесть)

Если кто-нибудь в разговоре с вами возьмёт да и обмолвится, что нынешний Асинск — городишко скучный и беспробудно сонный, не верьте. Я уже с подобным встречался, и такие слова не что иное, как пустая, бездоказательная болтовня.

Что значит «сонный городишко»?

Вы бывали хоть в одном сонном городишке? Вы представляете, что это такое?

Да, в любом таком городишке время годами никуда не движется. Вот так вот раскорячилось на одном месте, застыло и слилось до незаметности с приземистыми домиками, со стайками и баньками во дворах и с деревьями в кудрявой зелени. Когда б не назойливые календари, никто бы в жизнь не догадался, что оно здесь вообще существует! А то, что вчерашние сопливые пацанята нынче выросли и взялись бороды брить, к делу не относится. Время — временем, а бороды сами по себе.

Однако будем справедливы. Если уж оставаться до конца честным, надо признать: да, ещё недавно, ещё несколько лет назад всё на поверхности нешироких улочек млело в оцепенении, точно кувшинки в маленьком озерце, плотно окружённом корявым лесом, на забытые берега которого никто никогда носа не сунет. Ничего резкого, громкого и уж тем более оглушительного! Проезжающий через нашу станцию из Читы в Челябинск, выставив голову в окошко, даже сквозь мерный стук вагонных колёс мог слышать, как беззаботно и сладко похрапывал Асинск. Спали домохозяйки и зубные врачи, горнорабочие очистных забоев и водители автобусов. Мало того, даже те, кому по штату спать не положено:

вахтёры, сторожа, милиция и участковые контролёры горэлектросети, которые во все глаза обязаны следить, не ворует ли кто электроэнергию, такое носами выводили — сроду ничего близкого не изобретёшь! Спали все! А если, отвлекаясь от Асинска, лучше ухо наострить — храп и уютное посапывание слышались по всей стране. И это, по большому счёту, было неплохо. Ведь когда в России спячка — всё как-нибудь понемногу да идёт: и дома строятся, и дороги.

Не спали только диссиденты. Они и разбудили Горбачёва. Тот, как проснулся, давай всех расталкивать и джинна из бутылки выгонять — классика известная. А уж когда население пробудилось и глаза протёрло — то взялось такое вытворять, что сам дьявол не разберёт! У нас народ только-только с печи слезет — и сразу революция. А если война на этот момент случится — так всю Европу, до Парижа, отмахать можно...

Вот и Асинск. Разбудили его в конце восьмидесятых грубые толчки из далёкой столицы. И под бока, и даже, неловко сказать, пониже спины. Но! По счастливому стечению отмахивать никуда не пришлось, никакой войны у границ ещё созреть не успело. Революция, правда, небольших размеров грянула — куда уж тут без революции! Массы, как водится, на площадь слетелись. И начали выкрикивать и грозить. Да так, что у позолоченного вождя на пьедестале, указывавшего рукой, в каком направлении топать дальше, эта рука чуть не отвалилась! Время очнулось, отпрянуло от деревьев и серых домиков. Век, его обозначавший, растерянно похмыкал и потоптался, развернулся и побежал назад. Потому что революция — она всегда не в ту сторону, куда её замышляют.

Сейчас в городе хозяйничал год, близкий к двадцать седьмому. Из пыльной кладовки истории вытряхивалось на свет давно забытое. Поговаривают, будто в Доме

Советов рулить Асинском взялись дети лейтенанта Шмидта. Насчёт детей, конечно, болтают — у тех запросы были мизерные. А тут все поголовно в буржуи метят! Число наскоро слепленных ларьков со спиртным и жвачкой с лихвой переплюнуло на душу населения самые продвинутые страны и континенты. Настали золотые денёчки для обществ с ограниченной ответственностью.

Жизнь заиграла весёлыми бликами, пошёл давать трёпака расцвет частной инициативы. Приоткрылись границы, и всякая дрянь — полезная или вроде того — хлынула снаружи внутрь. Пустоты заполнились стремительно. Столько разного вдруг явилось! И неважно, что яркое китайское тряпье расползлось через неделю после покупки, а наручные часы из той же страны намертво вставляли на второй день. Иной потомок Левши поколдует над часами, и они ещё лет восемь тикать исправно будут, чему сами халтурщики из Поднебесной изумились бы необычайно. Запрыгали по колдобинам импортные легковушки, изъятые в государстве самураев со всех без исключения автомобильных кладбищ и срочно доставленные морем к нам. На голых ещё вчера витринах гордо разлеглись неизвестно на чём возвращённые окорочка, насильственно выдранные из цыплят и впоследствии поименованные «ножками Буша»...

Какого ни пожелаешь товара, а его уже прибыло — смотри и радуйся!

И всё бы замечательно — но!

Каждый, живущий в эпоху перемен, неизбежно чувствует их на своей шкуре.

11 июля 1994 года, на рассвете, без восьми минут семь, душераздирающе завопил Доминик.

Лев Иванович Янушонок проснулся, зевнул во весь рот и приподнял с подушки круглую розовую щеку, на которой смачно отпечаталась пуговица от наволочки с двумя дырочками. Утро понедельника задорно ломилось в окна. Муха билась в стекло ему навстречу. На полу валялось штук пять солнечных зайцев. Наглый чёрный котяра сидел возле дивана и немигающе смотрел на Лёвущку. Лёва повернулся на левый бок, натянул на лицо простынь, но Доминик тут же заорал вновь. Нет, доспать, чтоб его черти взяли, не получится.

— Чего горло дерёшь? — опять приподнялся Лёва. — Чего вопишь, как не знаю кто? Я тебя будильником не нанимал. Запомни: когда у человека нет работы, когда не ждут его ни родной завод, ни родная фабрика, он по крайней мере должен хорошенько отдохнуть.

Кот шевельнул усами, не отводя от Лёвы глаз.

— Скотина несознательная! Утром в доме должны быть тишина и покой, иначе ты, подлая тварь, еды не получишь. Понял меня? Вместо того чтобы мышей ловить, ты или шастаешь непонятно где, или отираешься возле холодильника. Что ты его обхаживаешь, что ты прилип к нему? Оттуда мышь не выскочит, она за буфетом сидит, третий день скребётся. Даже мелкая мышь — и та кота в доме не чует! Если б ты был нормальной скотиной и была бы у тебя хоть капля совести — давно бы эту мышь изловил, придушил и съел без остатка. Каждый должен заниматься тем, к чему приспособлен. Вот ты что-нибудь в доме можешь? А? Я тебя спрашиваю. Ничего ты не можешь!

Кот презрительно скривил морду.

«Ну, гад!» — подумал Лёвущка.

— Валерка Щучкин, когда мыши в доме завелись, удавил свою кошку на шнуре от кофейника. Все, кто не приносит пользу дому, должны это помнить. Учти! Иначе если не удавлю, то выброшу на улицу. Ты лишишься даже

той работы, от которой отлыниваешь! А безработный — кому ты нужен...

Лёва отлично понимал, о чём говорил.

Ещё недавно специалист уважаемого предприятия, ровно три недели, как он пребывал не у дел. Официально попал под сокращение, то есть — оказался лишним ртом для родного коллектива! Но поговаривали: что-то с этим сокращением было нечисто. Что-то там было такое, о чём сам отправленный за ворота подробностей не раскрывал. То ли попался за пьянкой на рабочем месте, то ли на этом месте вовсе отсутствовал, то ли (расползался и такой слушок!) посягнул на честь и достоинство главного бухгалтера — дамы не очень умной, грубоватой и крайне подозрительной к любому, кто неосторожно приближался к ней. Однако если Лёва молчит, то и мы не станем доискиваться. Даже пишущему эти строки следует не всё знать о своём подопечном. А то выпотрошишь, вывернешь его наизнанку, и останется от человека лишь сумма благовидных и неблаговидных поступков. Вот уж лучше как-нибудь без этого, а то арифметика получится, а не живой, полнокровный человек. Так-то!..

В бюро по трудоустройству на учёт отказались ставить, прицепились к каким-то пустяковым формальностям. Пособие по безработице — на него Лёва весьма и весьма рассчитывал — теперь не светило. В довершение к одному несчастью быстренько подоспело другое: подруга из дома отчалила! А ведь когда сходились, она, Лёва отлично помнит, ворковала ему: «Ты мой герой!»

И вот — на тебе. Это было уж вовсе нечто!

Неожиданно выяснилось: женщины любят не просто героев, но героев, приносящих домой аванс и получку. И желательно всё — до копейки. А тех, кто этого не делает, они не любят и никакого героизма в них не обнаруживают!

События развивались по нарастающей. Два дня его лапушка верещала так, что Лёва тревожился, как бы голос не пропал, а затем притихла и долго молчала. Лёва понял: не к добру! И — точно.

Он в ожидании обеда полёживал на диване, исследуя босые пальцы ног.

Как человек, кое-что на свете повидавший, он знал: жизнь состоит из мелочей, они и есть самое важное в ней. И каждый, кто упускает мелочи, не достигнет даже самых пустяковых высот. Сейчас Лёва разглядывал свои ноги.

С правой ногой всё было в порядке, грязь на ней сгруппировалась между пальцами. Тревогу вызывала другая нога. Создавалось впечатление, будто Лёва побывал непонятно где и там, где он побывал, ногу посыпали пылью. Сверху! Поражало прежде всего то, что он каждой из ног словно разгуливал в разных местах. Надо было найти логическое объяснение, надо было свести ноги воедино. Только силой мысли сделать подобное казалось возможным. Размышляя над пылью сверху, Лёва постепенно отбрасывал всё несущественное. Вариантов оставалось два. Либо когда в галошах выходил в огород, чтобы сорвать огурец; либо когда в сланцах прогулялся во двор до туалета. Скорей всего, виноваты были галоши: во-первых, в них земля из огорода попадает; во-вторых, сланцы чаще моются. Лёва решительно склонялся к галошам. И тут в васильковой блузке и обтягивающей юбке подступила к нему она:

— Лев, нам надо поговорить.

— Ась?

— Лев, ты слышишь меня?

Когда Катажинка называла его не Лёвушкой, а Львом, это ничего хорошего не сулило, это было началом большого семейного тайфуна!

— О чём же ты хочешь говорить? — затосковал Лёва. — Если о покупке нового пальто, мы ведь уже решили: покупай. Помнишь то серое, с жёлтыми пуговками, которое смотрели в «Юбилейном»?

— Прекрати болтать! Какое пальто, когда денег нет, а ты весь диван до пружин протёр! Ты о чём-нибудь думаешь?

— Конечно, думаю, ещё как думаю! Единственная мысль — о новой работе. Я уже столько вариантов перебрал — вся голова распухла. Других мыслей и вовсе нет.

— Цыц! — зычно гаркнула Катажинка.

В маленькой комнатке поднялся гам: там затеяли игру её дочки, всем трём — по пять лет, и не поделили кукол.

— А ну-ка, замолкли! Вот я вам сейчас!

В комнатке на время притихли.

— Я, к твоему сведению, не собираюсь прозябать в нищете!

— А кто собирается? Поверь, никто и не собирается. Найдётся ли хоть один человек, который бы встал и сказал: «Я собираюсь прозябать в нищете!» Найдётся ли? Лично я не знаю ни одного! Пойми, Катажинка...

— Я тебе больше не Катажинка! Обрадовался, что идиотку нашёл? Муж, если он ответственный, обязан обеспечить в семье достаток. Его дело — утром исчезнуть к чёртовой матери, а вечером вернуться с деньгами. Я стираю, обмываю всех вас, готовлю, и что я имею с этого? За что мне такое выпало?

— Уж если выпало, Катажина Фердинандовна, значит — выпало. Так тоже иногда бывает. Жизнь в настоящий момент, как говорится, испытывает нас на прочность! Собери в кулак своё терпение и посмотри на ситуацию в целом. Кризис охватывает разные слои населения. Огромные слои! Вот и меня тоже.

— Ситуацию в целом я вижу. Ещё как вижу! Ты сутками не слезаешь с дивана, а я верчусь, как уборщица. Даже хуже! Уборщица отшваркает тряпкой смену, ведро в угол приткнёт, и всё — до свидания. Ей ещё деньги за это платят. А я ради чего надрываюсь?

Из комнатки грянул дружный рёв. Куклы справедливо-му делению никак не поддавались.

— Да чтоб вас!

Многодетная мать кинулась туда. Лёва получил передышку, но ненадолго. Раздались две-три затрещины, порядок восстановился, и разъярённая женщина влетела обратно.

— Так вот...

— Так вот, — сказал Лёва. — Надо выждать. Для нашей семьи наступили тяжёлые времена. Но они пройдут.

— Тяжёлые времена? Ха! Тяжёлые времена! — Катажина Фердинандовна подбоченилась и прошлась перед диваном. — Напомни-ка: за то время, пока я, как дура, живу с тобой, когда эти времена были лёгкими? Я таких времён никогда не знала! Ты и сейчас грязные копыта к потолку задрал, и ни до чего тебе дела нет.

Лёвушка убрал копыта с дивана. Не помогло.

— Посмотри на себя: ты — никто. Ты ни на что не способен. Я лучше найду другого, сильного найду, но с таким ослом жить не буду!

— При чём здесь осёл? — изумился Лёва. — Вон, в новостях говорили: во Франции завод обанкротился. Две тыщи человек оказались на улице! Дети с голоду пухнут. Это с каждым может случиться.

— Это может случиться только с тобой! С тобой, и ни с кем другим!

Любимая настолько была разгневана, что фиолетовая юбка потрескивала и груди опасно перекатывались над бедной Лёвушкиной головой.

— Погоди. А в Германии...

— Заткнись со своей Германией! Плевать я хотела на вас обоих.

Да, для того, чтобы вылететь с работы, Лёва выбрал не самое лучшее время.

В городке творились дела мрачные и тревожные. Джинн, выгнанный из бутылки, был вовсе не безымянный, он имел отвратительное имя: кризис. А поскольку ещё и нрава оказался паскудного, то затеял игру. Что-то типа «морского боя». Но не на тетрадном листочке в клеточку, а по-крупному. Причём этот кризис был ловким игроком! Если четырёхтрубный металлический завод, хоть и потрёпанный, твёрдо держался на плаву, то равный ему стекольный, получив пару прямых попаданий, всю чадил и давал такой крен, что наружу высывалось облепленное ракушками днище. На стекольном восемь месяцев не держали в руках зарплату, а самого стекла выпускалось так мало и столь плачевного качества, что даже при жуткой нехватке строительных материалов покупатели огибали завод стороной. Жить стекольному оставалось сущие пустяки. Не выдержав разящих ударов, навечно скрылись в пучине хаоса, распустив на поверхности грязные пятна, старые трёхтрубные крейсера — шахты «Асинская», «Сибирская» и «Таёжная». Последняя из этой линейки — шахта «Физкультурник» — потеряла управление и превратилась в недвижимую удобную мишень. Меткой стрельбой один за другим были потоплены двухтрубные вагоноремонтный завод, гвоздильный цех и автобаза грузовой и спецтехники. Чего уж говорить о разной однотрубной шелупони! Не чайки, а вороны, пугая небо криками, летали над местом гибели швейной фабрики «Искра» и фабрики индивидуального пошива одежды. Банно-прачечный трест, имевший на попечении три бани, едва залатывал пробоины с помощью тощего

городского бюджета, а редкие клиенты, отшлёпавшие себя вениками в чуть тёплой парной, выглядели крайне неубедительно: не млели от обильного пота в предбанниках и, потягивая там же кислое пиво, не покряхтывали от удовольствия. Среди крутящихся в водоворотах всасываемых обломков барахтались выброшенные за борт матросы, цепляясь кто за продавленный диван, а кто и за бутылку, полагая её самым верным средством для спасения.

Однако вот что удивительно: те, кто потерпел крушение, не сотрясали окрестностей воплями, не устраивали истерик. Асинцы к любым бедам всегда относились философски и от ударов судьбы становились только ядрёней. А помимо прикипевших к дивану или к бутылке были и такие, кто, побегав по городу, вдруг обнаруживал вожаденный спасательный круг: никем не занятое рабочее местечко! И с лёту захватывал его. Должен сразу признаться, люблю я людей несломившихся, не опустивших рук — ведь счастье идёт к тому, кто и сам к нему идёт...

Между тем Лёвину зазнобушку несло. Вал обвинений нарастал:

— Твои маменька с папенькой когда-то дали осечку. Они в постели, в самый ответственный момент, чересчур поторопились — мозгов в тебя вложить не успели! А в некоторых делах спешить не следует!

— Ничего, без мозгов даже лучше, — заявил умудрённый опытом Лёва. — От них, как японцы установили, голова болит. И потом: кто же любит умных? Вот и ты не с кем-нибудь, а со мной живёшь.

Зря он про японцев, зря! Лучше бы ничего не говорил. Эти японцы всё испортили! Зазнобушка ринулась к шифоньеру, рванула дверцу, пнула ни в чём не виноватый чемодан и объявила:

— Хватит с меня, ухожу!

— Как — совсем?

— Совсем!

— Давай хоть пообедаем.

— Заткнись!

В раскрытый чемодан полетели кофточки, колготки, кружевное бельё. Фокус с чемоданом Лёва наблюдал не в первый раз. Потом, под всхлипы и тихое обиженное бормотание, всё развешивалось на плечиках обратно и раскладывалось на полки.

Однако теперь дело обернулось иначе. Женщина, подхватив чемодан, зычно крикнула тройняшек и отправилась к папе. Так и потянулись от калитки: она, в васильковой блузке, обтягивающей юбке и с чемоданом, — впереди, а послушные дочери, крепко взявшись за руки и не выпуская кукол, — следом. Задок у неё, как всегда, выразительно колыхался. Лёва до калитки их проводил, затем сорвал с малины пару сочных ягодок и раздавил во рту, сокрушаясь, что такой задок уплывает. Она ушла, но оставила кота. На следующий день явился папа, а с ним двое угрюмых мужиков на большой грузовой машине. Машина, пятясь, сдала к калитке, мужики откинули борт, и все трое решительно прошли в дом.

— Нам чужого не надо, — сказал папа, — но своё не оставим, всё заберём. То, что дочка здесь горбом заработала, тебе, подлецу, не принадлежит.

Папа бегал по комнатам, расшвыривал ногами цветистые половики, указывал пальцем, что грузить, и горько сокрушался:

— Эх, и что ж ей, бедной, так с мужиками не везёт! Первый, жлоб, начальник жилищной конторы, над каждой копейкой трясся, всё допекал чёртовой экономией: «Экономия, экономия!» Совсем спятил с этой экономией: мелочь у неё в карманах проверял — сколько потратила и куда. Таких скупердяев отродясь не бывало! Лишь

в одном, мерзавец, расщедрился — трёх девок ей зараз сделал! Другой, гаишник, дважды триппером награждал. Слыхано ли это: порядочные гаишники деньги с водителей в дом несут, а он — триппер. Как будто у нас только триппер в машинах ездит! А от тебя, чёрненький ты наш, даже триппера не дождёшься...

Его молчаливая бригада так быстро принялась выносить мебель, что Лёва едва успел изъять спрятанную в тумбочке записку.

После их отъезда дом стал ошеломительно просторным. Лёва остерегался громко говорить — эхо металось по комнатам и, отскакивая от голых стен, пугало. Однако они много чего не взяли. Телевизор «Рубин», казавший мир с разными оттенками серого, холодильник «Бирюсу» — эти от покойницы-матери ещё остались, диван... За диван, правда, ухватились, но он в руках разваливаться начал: боковушки отскочили — одна, а потом другая; и бывший тесть поскрёб ногтями затылок и смиловился:

— Ладно — пользуйся. Помни нашу доброту.

— Кота заберите, — сказал Лёва. — Не забудьте кота! Он, сволочь, всё время жрать требует.

— И кота оставляем...

Несколько дней Лёвушка и кот валялись на диване, удивлённо поглядывая друг на друга. Иногда покидали диван и слонялись из угла в угол, привыкали к новой обстановке. Доминик передвигался крадучись и принюхивался.

За это время обоими были досконально изучены все трещины на потолке и за телевизором. Понемногу Лёвушка освоился и успокоился. В доме, лишённом писка, визга и громкого недовольства жизнью, поселились тихие ангелы. Вот только рубашки, громоздившиеся стопкой на полу, смущали. Шифоньер, пожалуй, был бы не

лишним. А кот, осознавший наконец перемены, наоборот, озверел. Глаза его недобро горели. Он требовал прежнего порядка: молока в миску и кружок полукопчёной «Краковской», к которой был сильно расположен. Смёрзшаяся в комок мойва из морозилки воспринималась как незаслуженный, оскорбительный плевок в кошачью душу. Всем видом он показывал, что у него полная гармония только с «Краковской» и нет ничего общего с мойвой. Кота обуяла жажда мести. Он принялся за то, от чего успешно отучила его, хватаясь за тапок, сбежавшая хозяйка, — драть когтями обшивку кресла. Кресло теперь стояло взъерошенное, под стать настроению кота. Дело пошло на принцип.

— Колбасы не будет, и не мечтай! — заявил категорически Лёва. — С «Краковской» простишься навсегда. Она является предметом роскоши, а нам теперь надо жить по средствам.

Услышав про колбасу, кот заголосил со всеми возможными кошачьими модуляциями. Тогда Лёва накопал червей, взял удочку и отправился на Алчедат за карасями. Но и там на крючок цеплялись исключительно невзрачные особи: маленькие, тощие, словно потёртые, и бомжеватого вида. Неудивительно, что такие караси ничуть не смягчили сурового кота. Караси и мойва лежали нетронутые в миске, за шкафом скреблась мышь, а чем питался любитель «Краковской» — было совершенно неясно. Он теперь надолго пропадал в огороде: то ли перешёл на богатую витаминами морковную ботву и отросшие капустные листья, то ли отлавливал зазевавшихся птичек. Домой являлся лишь затем, чтобы проверить — не вернулись ли прежние времена? Переступив порог, кот в первую очередь приникал к холодильнику — не потянет ли оттуда родной полукопчёной?

... Итак, Доминик сидел около дивана и смотрел на Лёву нагло и требовательно.

— Не нравится здесь? Ищи другой дом. Сколько тебе втолковывать: старых порядков больше не будет, кончились они.

— Я-у-у-а! — завопил кот.

— Ага — и уходить не хочешь? Тогда объясни: к чему тебя приспособить?

— Я-у-у-у!

— Всё — лишаяю слова окончательно!

Лёва сбросил голые ноги на тёплый пол.

Лев Янушонок, а для друзей — просто Лёва, в данный момент находился в том неопределённом возрасте, когда молодость ещё не полностью скрылась за спиной, но зрелость уже подступает: брюшко начинало округло выпирать и обозначаться. Иначе говоря, ему было несколько за тридцать, и две залысины, устремившиеся к макушке, обещали непременно плешь годам к сорока. Кожа его была заметно смугловатой — затесался по материнской линии кто-то из тех, заграничных теперь благодатных республик, где воздух навсегда пропитался запахом урюка, где дымящийся чай пьют из разрисованных крупными розами пиал, а в бескрайних степях пасутся овечьи отары. О выражении, преобладающем на лице, чтобы подробно не говорить, замечу только: оно было точь-в-точь как выражение лиц футбольных болельщиков, когда любимая команда не только показывает фантастическую игру, но даже забивает мячи в ворота соперника.

До увольнения судьба благоволила к Лёвушке. Он числился инженером по охране труда на фабрике по обогащению угля. Кабинетные дела не утомляли. Лев Иванович изредка обновлял разнообразные инструкции — обновление заключалось в смене дат на титульных листах,

беседовал с вновь поступающими о выгодах обогатительного производства — это называлось «Вводный инструктаж» — и раз в месяц подписывал списки на получение рукавиц для работы в цехах. В оставшееся время — а оставалось его изрядно — он перелистывал старые журнальчики, которые в избытке пылились в шкафу наряду с профильной, по специальности, литературой. «Советская милиция», «Профсоюзы и жизнь», «Гражданская защита» — на их страницах он находил массу любопытной, хотя и бесполезной информации. Из этих журнальчиков он, к примеру, знал, что лучшим в мире поваром стал француз Мишель Рот. Что зимой для лечения радикулита нужно воспользоваться настойкой элеутерококка: смочить полотняную тряпку и приложить на область крестца, затем плотно обвязать поясницу шерстяным платком и оставить на ночь. Он даже был знаком с суждением лейтенанта Колин Багли из центральной тюрьмы Иллинойса (США): «Для свободных граждан тюрьма представляется тайной. На самом деле это далеко не так. Здесь живут такие же люди, с их слабостями и капризами. Они смеются и плачут, радуются и ненавидят. Все они требуют повышенного внимания, ласки и заботы, понимания их трагедии. Поэтому появление в мужских тюрьмах женского персонала вполне оправдано: кто может дать больше тепла мученикам, чем женщина?»... Жизнь казалась Лёвушке прочно и основательно устоявшейся, пока всё не рухнуло.

Теперь не надо было прыгивать по будильнику с дивана, спешно давиться завтраком и бежать на «дежурку». Но в этом имелись и свои плюсы — диван и впрямь заметно просел!

Расставшись с молодой мамулей трёх дочек, Лёва хотел было потужить месяцок и даже настроился на это. Домашние дела не стоили того, чтобы на них отвлекаться.

Выглядывая из окна веранды, Лёвушка хладнокровно наблюдал, как дичает огород. В клубничных грядках бесчинствовали непуганые дрозды — бранились между собой и тяжелели от съеденных ягод. Картофельную ботву захватили колорадские жуки — их сосредоточенные красные личинки без устали пожирали сочные листья, росли, превращались в жуков и производили новое потомство.

Дни протекали приятно. Однако, подсчитав наличность, бывший инженер по охране труда загрустил: на те несколько миллионов, что сохранились в записке, долго не протянешь, и как ни крути, а искать новую работу придётся.

— Ничего не поделаешь, — объявил Лёва злобному Доминику, — если общество ждёт от меня пользы, оно дождётся!

Вчера он изучил местную газету «ВРИО» — ту страницу, где под условными значками с весами, баранами и раками был напечатан астрологический прогноз. Для обстоятельного человека — а Лёва был человеком обстоятельным — такой прогноз являлся незаменимым руководством к действию.

«Предстоящая неделя, — разъяснялось Водолеям, — обещает быть результативней прошлой и ознаменует резкое возрастание вашего биоэнергетического потенциала. Прислушайтесь к себе. У вас появится возможность переосмыслить всё, что имеете, ввести дополнительные поправки и ориентиры на будущее».

Лёва прислушался к себе. Биоэнергетический потенциал никак не проявлялся. Неясен был также орган, в котором ему надлежало возникнуть. А может, он только начинает резко возрастать? Не повременить ли с поисками ещё денёк-другой? С потенциалом, тут и спорить не о чём, шляться по разным конторам легче. Но опять же,

вспомнив про наличность, Лёва вздохнул: ничего не получится — придётся без потенциала.

Как человек неглупый Лёва сообразил, что для успеха нужна стратегия, и наметил её. Начать следовало с центра. Центр Асинска являлся ярким и манящим созвездием разного рода учреждений и предприятий. Здесь можно было поискать не просто рабочее место, но такое место, где платят хорошие деньги и — вовремя! То, что находилось ближе к центру, было как раз на плаву и тонуть не собиралось. Лёва живо представил некий пустующий понапрасну уютный кабинетик с журнальчиками «Профсоюзы и жизнь» на полке — осталось только найти его! А для этого следовало прочесать все заслуживающие внимания конторы. Перебрав разные варианты, Лёвушка сказал: «О!»

Это «О!» относилось к погрузочно-транспортному управлению. Залпы кризиса как ни били в погрузочно-транспортное управление, а ничего поделаться с ним не смогли. Транспорт был железнодорожным, а тепловозы ходят даже тогда, когда всё стоит. Тепловозы исправно таскали составы с углём на обогатительную фабрику и забирали готовый концентрат.

«Там работают серьёзные люди, — размышлял, проникаясь симпатией к тепловозам, Лёвушка. — Я тоже человек серьёзный. Мы должны состыковаться — факт!»

Итак, было утро, и манящее будущее ожидало Лёвушку за порогом.

Побрившись и умывшись, Лёва распахнул холодильник. Перво-наперво серьёзному человеку следовало хорошенько поесть.

Холодильник работал не впустую. Он поддерживал в свежем состоянии пяток некрупных яиц.

— Если, допустим, разбить четыре яйца — этого хватит только мне, а мяукающему негодяю ничего не достанется, — взялся вслух размышлять Лёва. — А если пять

яиц — холодильник можно выключить. Нет уж, лучше четыре.

И тут лёгкая тучка набежала на его чело. Эх, Катажинка, Катажинка... Как она готовила! Хотя бы фасоль с мясом. Это ж уму непостижимо!

Пока он набирал воду в чайник и совал вилку в розетку, масло на сковородке зашкворчало, а вокруг жёлтых яичных бугорков образовалось ровное белое поле. Сковородка переехала на стол, на подставку. Лёвушка помедлил и отделил часть завтрака Доминику (кот до глазуньи снизошёл). Завтрак прошёл в молчании. Лишь из огорода доносились птичьи вопли — банда серых дроздов добивала последнюю клубнику. Подчистив хлебной корочкой остатки масла, охотник за новой работой ощутил столь нужный сейчас прилив сил. Удача не могла быть далеко. Надлежало изловчиться и сцапать её!

Лёва сунул диплом, трудовую книжку и паспорт в целофановый пакет, облачился в тенниску-безрукавку и натянул вместо брюк бриджи нежно-зелёного, под стать молодому салату, цвета. Конечно, сам Лёвушка такие бриджи ни за что бы себе не выбрал, но штаны были подарком Катажинки, она уверяла, что салатный цвет ему очень к лицу. На ногах застегнул лёгкие сандалии на твёрдой подошве и в таком виде выбрался на остановку «Красноярская». Пойди Лёва по прямой, он бы за десять минут добрался до погрузочного управления, ехать вокруг было вдвое дольше. Но как рассудительно полагал Лёвушка: если ходить пешком — зачем тогда автобусы? Мелкая мошка, у которой также наступило время завтрака, принялась приплясывать перед глазами и харчиться на нём и на двух взволнованных старушках, собравшихся в собес. Старушки яростно отмахивались ветками полыни и, перебивая друг друга, обсуждали недавнюю прибавку к пенсии, в которой им было отказано. Старушки

сердились: оснований для отказа не имелось ни малейших! Часто упоминалась некая Масалкина — сучка из сучек во всём собесе. Лёва дождался автобуса, «тройку», вместе со старушками втиснулся в его распаренное нутро, нашёл свободное место и повернулся к окошку.

Автобус, разбитая колымага, покати́л его навстречу мечте. Родные виды, качаясь и подпрыгивая, поплыли за невымытым стеклом. С обеих сторон дороги холмики и косогоры густо облепило частное жильё горожан. Домишки всё были захудалые — город вместе с великой страной начисто проел себя, и редко где сверкала масляной желтизной прибитая свежая доска. За остановкой «Рынок», справа и чуть в отдалении, над крышами бараков ненадолго показался в два этажа травмпункт — добрый приют для всех, кто как-нибудь себя искалечил. Гипса для панцирей рук и ног в его стенах расходовалось теперь куда больше, чем на городских стройках. Скатились с горки к самому рынку. В аккурат против арочного входа приткнулась к обочине зелёная «аварийка» с прицепленным к ней компрессором. Тощий хлопец в грязных джинсах, навалившись на отбойный молоток и выставив в небо острые лопатки, долбил с края асфальт. На голой спине неведомый художник старательно наколол огромную церковь. В такт бьющемуся молотку синие купола с крестами лихо сотрясались вместе с рёбрами. Двое напарников замерли неподалёку. Уперев руки в бока, оба наблюдали, словно карауля момент, чтобы пуститься в пляс.

Сразу за рынком деревянные улочки отпрянули, слева за стволами берёз пронеслась школа № 3, а справа подступили к асфальту четырёх- и пятиэтажные кирпичные дома. В это утро балконы кое-где оказались уже завешаны сохнущим бельём, на других тускло поблёскивал ободами велосипед, и все без исключения были забиты

разнообразной дрянью, которой нет места в комнатах, но и выбросить которую жалко.

Дальше поехало как попало. Слева — причудливая, но безобразно выкрашенная контора городских коммунальщиков, старенький кинотеатр «Радуга», новенький центр занятости населения, пятиэтажки, пятиэтажки... — магазин спорттоваров «Чайка», остановка, городской парк, библиотека, памятник жертвам революции, остановка. Слева — универмаг, поликлиника, центральная почта, школа № 11, филиал томского университета, Дом Советов, музыкальная школа... Справа (автобус по главной улице следовал не быстро) — заросшая кустами и деревьями огромная площадка, в глубине её принимало солнечные ванны озеро Тёплое, всеми именуемое Горячкой. Эту территорию городские власти много лет грозились превратить в зону отдыха, но руки были коротки и не доходили. Из косматых зарослей к проезжей части выдвигался двухэтажный кирпичный кубик «Инвестпромбанка», следом столбиком высился Дворец правосудия, потом гостиница «Асинская» с рестораном «Уголёк» на первом этаже, Народный театр с яркой афишей о прошедшем две недели назад выступлении столичной звезды. К театральному крыльцу подали автобус отдела культуры, в него торопливо влезал местный хор в сарафанах. Дальше — центральная городская котельная и — «Диспетчерская»...

Виды за окошком были до мелочей знакомы Лёве, однако солнце, не скрываясь, вот уже несколько дней шастало кругами над Асинском, начисто забыв про остальной мир, и всё заливало таким светом, что наш соискатель работы иногда не узнавал города!

Тем временем автобус прикатил на «Диспетчерскую». Остановка «Диспетчерская» ничем не отличалась от других остановок, разве что была на расширенной части

улицы. Отсюда автобусы отправлялись по назначенным, кому какой полагается, маршрутам. Возле сплошной бетонной ограды городской котельной торчала будка диспетчера, в неё водители забегали отметить путёвки. Слева от будки тянулось вдоль дороги длинное двухэтажное здание горэлектросети. Здесь на первом этаже, теснясь у окошечка кассы, население отдавало свои кровные за потребляемый свет.

Денёк раскручивался обыкновенный июльский. Духота, словно шерстяными одеялами, начинала обкладывать граждан. Жиденьякая компания молочных облаков, подгоняемая ветром, летела в сторону Горячки. Ниже их чёрной точкой парила едва заметная птица. Деревья укрывались в собственной густой, тяжёлой и тёмной листве. Женщины, наоборот, дефилировали в светлом, лёгком и прозрачном.

Выйдя из автобуса, Лёва сощурился от бьющих прямо в него солнечных лучей. А когда шире открыл глаза и обнаружил в доме напротив бар «Пшеничный колосок», то испытал невыносимую жажду.

В этом старом трёхэтажном г-образном здании, в трёх минутах прогулочным шагом от центра города, ещё совсем недавно селился народ не какой-нибудь. Здесь обитали начальники средней руки, а также мелкий чиновный люд из разных госучреждений. Подъезды выходили во внутренний дворик, образованный четырьмя кирпичными жилыми строениями. В песочнице с непременным покосившимся аляповатым грибком пищали разругавшиеся дети, а по дорожкам владельцы собак выгуливали на поводках разнокалиберных питомцев. Питомцы, страдающие одышкой, с высунутыми языками, норовили задрать ногу на редкие кусты. У кустов был нездоровый вид от такого внимания. Хозяева тем временем общались. С холёной артистической бородкой, похожий на поэта

или избалованного заказами художника, управляющий городскими кладбищами обсуждал достоинства ризеншнауцеров с директором гастронома «Весна». Помимо этих достойных людей и работников суда и прокуратуры в доме обитали врачи, тоже до некоторой степени отнесённые к интеллигенции. Из-за врачей, оставлявших свои дневные часы в больницах и поликлиниках, подъезды слегка припахивали лекарствами. Так здесь было недавно... А когда задули рыночные ветры, на бойкое место (народу мимо шляется много!) положили глаз коммерсанты. Жильцы первого этажа, не без их помощи, скорее всего съехали, и оказавшаяся в когтях неумолимого бизнеса жилплощадь изменила вид. В переоборудованных квартирах появились три продовольственных магазинчика, две аптеки, магазин «Ткани», а также питейное заведение под названием «Пшеничный колосок».

Итак, Лев Янушонок ощутил жажду. Погрузочно-транспортное управление никуда не убежит, а вот стаканчик томатного сока или даже два стаканчика оказались бы как нельзя кстати.

По дороге, одна за другой, пролетели две крутые иномарки, лучшие годы которых остались на далёком Хоккайдо. Пропустив их, Лёва перебежал проезжую часть, распугал неповоротливых голубей, что слонялись у входа в ожидании подачи, и толкнул дверь.

Питейный уголок пришёлся точь-в-точь по размерам бывшей когда-то квартиры врача-стоматолога. Взамен перебравшейся в новое жильё изысканной, под орех, стенки румынского производства и мягких стульев гостиную заняли сработанные в местном частном предприятии «Прохоров П. И.» деревянные столы и лавки, выставленные в два ряда. Материал для них подбирался ветвистый — и столешницы, и сиденья были густо испещрены пятнами сучков. За поцарапанной дверью, в районе

кухни и туалета (в прошлой жизни — чешский кухонный гарнитур и финская сантехника), размещалась грязноватая подсобка. В спальне, где некогда главенствовала широкая супружеская кровать (Италия) на пару с ночным столиком (Польша), теперь обосновались бар и стойка, и новая дверь в «Колосок» была прорублена именно здесь. За стойкой, на том пяточке, на котором в былые времена поскрипывали пружины семейного ложа, царил барменша Тося. Место, видимо, было до такой степени наэлектризовано супружеским счастьем, что ножки барменши самопроизвольно переминались и даже как бы немножко поскрипывали. Бюст тоже мог бы как-нибудь двигаться, но он под блузкой настолько был стиснут бюстгальтером, что не проявлял никаких признаков самостоятельности. Тосин портрет дополняли рыжие волосы, цепкий взгляд и толстые крашенные губы.

— Привет, — сказала Тося и завела за ухо рыжий локон. — Давно не виделись.

— Жарко сегодня.

— Ты где пропадал? Не иначе — в грязных забегаловках деньгами сорил?

— Что ты! — возмутился Лёвушка. — С деньгами я только к тебе. Забегаловки исключены!

— Ну-ну. Бери свою водку.

— Да я вроде...

— Что? Заболел, что ли?

— Нет, как будто здоровый.

— Проходи в зал. Дружок твой уже полчаса мается.

В этот ранний час бывшая гостиния стоматолога пустовала. Окно было задёрнуто непроницаемой шторой, и образовавшийся сумрак внушал обманчивую прохладу. Под потолком едва слышно выводил известную мелодию динамик. И лишь за одним из длинных столов, гипнотизируя немигающим взглядом пластиковый стаканчик,

растягивал удовольствие журналист Максим Редькин. Журналист в разлинованной, под тельняшку, маечке был крест-накрест перехвачен ремнями. На одном ремне болталась потёртая офицерская сумка с ручками и блокнотами, на другом — к боку льнул огромный фотоаппарат в футляре. Появись Редькин на поле боя, в цепи атакующих морских десантников, — его, в кожаной сбруе, легко приняли бы за офицера. Увидев Лёву, Макс замахал руками:

— Давай сюда! А то словом не с кем перекинуться.

Лёва в два приёма перетащил от стойки сто пятьдесят, стакан томатного сока, капустный салат и бутерброд с колбасой и сыром.

— Хорошо, когда есть где встретиться порядочным людям! — сказал Редькин, лишь только друзья обменялись приветствиями. — Жизнь, как прилив, выбрасывает нас на берег, чтоб мы просохли, набрались сил и опять устремились в её волны. Да! И заботливая наша Анастасия, приняв под крыло одиноких пловцов, готова согреть озябшие души. Я сюда на огонёк заглянул, и ты вслед за мной. Получается, мы к одной красотке клинья бьём?

— Балабол! — последовало из-за стойки.

— А ты не подслушивай!.. Вот объясни мне: как могут два человека, выйдя из разных мест, сойтись не где-нибудь, а именно в том заведении, где уже десять дней не наливают в кредит?

— И не налью. Ты за прошлое рассчитайся!

— Не иначе, это — судьба. Нас обоих так и тянет сюда, так и тянет.

— Зря подмазываешься. Всё равно не налью!

— Ничего удивительного, — сказал Янушонок, глотнув водки. — Когда я ходил в моря, мы возле Гавайских островов, в районе подводного Императорского хребта, пришвартовались к другому судну — передать посылки

с берега. И, представь, там был матрос из Асинска! Симпотяга парень, фамилия — Домрачёв, учился в нашей школе. Мы с ним вместе в туалете курили. Так что на знакомого можно нарваться даже в центре Тихого океана.

— Согласен, всякое бывает. Однажды я отправился по турпутёвке на Волгу и прямо на теплоходе, на пути в Самару, встретил Киселевича.

— Это который городской чемпион по армрестлингу?

— Да. Хряк восьмипудовый, шахта по нему плачет. Он с областной командой на соревнование ехал. Вообрази: гуляю по палубе, фотографирую Жигулёвские горы для будущего семейного альбома, а заодно потягиваю одноимённое пиво. Короче, набираюсь впечатлений, и тут — он. Столкнулись нос к носу. А я, как назло, должен был ему некоторую сумму. Пришлось отдать.

— Правильно сделал. Если бы не отдал — мог случайно упасть за борт.

— Нет, сумма не была запредельной, но лучше без риска.

— Если людям суждено встретиться — этого не избежать.

— Вот-вот, избежать не всегда удаётся, — подтвердил Макс. — А иногда — надо бы! Ты чего сок не пьёшь?

— Успею.

— Какой-то вид у него странный. Можно, я глотну?

— Пей.

Как утверждают в научной литературе, люди бывают разные. Есть индивидуумы — они терпеть не могут никого, даже себе подобных: не только физиономии соседей и сослуживцев, но и лица родных домочадцев приводят чуть ли не к рвотным позывам. Этим индивидуумам вполне достаточно собственного общества. Однако немало и таких, которым одиночество до жути невыносимо. Для них одиночество — пытка. Лучше разрезать человека

на кусочки, чем оставить его одного. Максим Редькин, журналюга из еженедельника «ВРИО», был из вторых. Да и работа требовала находиться в гуще, в толпе, в коллективе, в компании. Там, где много народа, всегда что-нибудь да происходит. Наряду с репортажами и интервью, Макс промышлял фотографией. Снимки, для увеличения гонорара, шли в нагрузку к текстам. Помимо основной деятельности приличный навар давали свадьбы, крестины и юбилеи. Асинцы норовили сохранить для дальних потомков узловые моменты своей жизни и неплохо это оплачивали. Однако необъяснимая вещь заключалась в том, что денег всё равно не хватало.

Пока Лёва расправлялся с капустой, Макс оседлал любимого конька:

— ...редактор, скажу тебе, — отъявленная сволочь! Он хуже Тоськи, с ней хотя бы договориться можно.

Рыжая дева едва не вывалилась из-за стойки:

— Договориться? Попробуй, а я посмотрю!

— Анастасия, не встревай в разговор! Когда серьёзные люди говорят о серьёзных вещах — бабе надо молчать... О чём мы?

— О редакторе.

— Да. Запомни: любой редактор заслуживает того, чтобы ручонки ему оторвать по самую задницу! Без ручонков такой негодяй, может, на человека походить станет.

— Зачем мне запоминать? Я в журналисты не собираюсь.

— И правильно. Лично я тебе этого никогда не посоветую. Работать в газете? Да лучше мусорщиком или санитаром в палате лежачих больных!

— Но ведь сам ты работаешь.

— Я не работаю, я там крест свой несую! Вместе с ним влекусь на Голгофу.

— О чём сейчас пишешь?

— Ну... — Редькин неопределённо покрутил пальцами. — Самодеятельность освещаю. Очень трудная тема. Вот вчера как раз осветил.

— Написал бы лучше о стрельбе в «Руси». Или о пожаре возле стекольного! Ты хотя бы в курсе, что спалили продуктовый ларёк и канистру рядом бросили? Когда пожарные примчались, свиная тушёнка и сайра в жестяных банках были уже достаточно подогреты и готовы к употреблению.

— Ещё чего! Кому интересна уголовщина? И потом: потакать примитивным и низменным вкусам обывателя? Его убогой страстишке совать нос туда, откуда потянуло жареным и кровью? Нет, только не это! Это — не для меня! Местного человека надо изо всех сил поворачивать мордой к прекрасному. Просвещать и воспитывать. Чтобы распахнулись его глаза! А из всех искусств для нас самое важное сейчас — что? Что самое важное?

— Кино.

— Самодеятельность. Самодеятельность и только самодеятельность! Знаешь, сколько в городе самодеятельных коллективов? Триста пятьдесят семь штук!

Лёвушка помолчал, пытаясь мысленно охватить такое невообразимое число. Однако представлялось с трудом, и он сказал осторожно:

— Я, чтоб ты чего не подумал, не против самодеятельности. Особенно когда таланты девать некуда. Солисты, вокальные группы — это я понимаю. Но ведь если все соберутся вместе и враз запоют... Мы ж оглохнем!

— Не оглохнем. И потом, самодеятельность, намотай себе на ус, бывает двух видов. В одной — поют, в другой — пляшут. Можно выбирать. Тут есть нюансы. Тебе как не специалисту объясню. Юные Дашеньки и Валюши предпочитают пляски, а старухи, которым за тридцать, — хоровое пение.

— А ты за кого?

— Я давно определился. Когда нежные «домисольки» в кокошниках руками машут, кружатся, а сарафанчики на них заканчиваются там, где у прежних русских барышень только начинались, — это ни с чем не сравнимо! Лично я — за пляски. Помню, состязались танцорки из медучилища и химтехникума. Солисточка у техникума была... Я, конечно, не сильно разбираюсь в химии, но тут чуть голову не потерял. Вот что значит магия искусства!

— Ага, лишь бы под юбки к девкам заглядывать!

— Ты ничего не понимаешь, Анастасия. Танцевальные коллективы следует изучать профессионально.

— Я-то как раз всё понимаю!

— Когда дарования в сарафанчиках выстраиваются шеренгой и набегают из глубины сцены к самому краю, да ещё изо всех сил стучат каблуками в пол...

За стойкой произошло движение.

— В лоб тебе, козлу, настучать надо!

— Анастасия, ты уймёшься?..

В ответ звякнули вилки.

— Обнажённые ножки, прямо скажу, бывают очень агрессивны!

— Но зачем они стучат?

Редькин с укором посмотрел на Лёву:

— Для самовыражения, для чего ж ещё? Ножки — главное средство самовыражения. Это, — он вздохнул, — бунт, бессмысленный и беспощадный!

— И что же делать?

— Усмирять! Брать в железные руки и — усмирять. Другого выхода нет, иначе — затопчут!

— Да, теперь я понимаю: без жёстких мер не обойтись.

— Вот именно! Без жёстких мер — никак...

— Бабник! — прилетело из-за стойки. — Выдрать бы с корнем твои жёсткие меры!

Макс даже не отреагировал.

— Но порой думаешь: всё, хватит! Плюнуть на газету, на мерзавца редактора и — на юг, на природу, в Таштагол! Там троюродный брат народ на плотях сплавляет. Представляешь — на плотях!

— Зачем?

— Любители экстрима. Посадит их на плот и — через пороги! А у тех — адреналин: разобьют башку о камни или не разобьют? И такие счастливые, если голова целой остаётся. За риск хорошие деньги платят!

— Вот и завяжи с газетой. Если человек хочет на что-то плюнуть, он не должен отказывать себе в этом удовольствии.

— Не так всё просто, не так всё просто... Я если и выбираюсь из Асинска, то не дальше Медведчиково, ниже Яйского моста. Знаю там одно местечко: плотва под берегом ходит, что селёдка, вот такая здоровая. Удилище гнётся, аж хрустит. — Макс, повинуюсь внезапному порыву, привстал, вытянул шею и вперил взгляд в иное пространство. — Аккуратно пускаешь поплавок по течению, и через секунду-другую — поклёвка. Подсекаешь и — раз! — на берег её. Снова пускаешь и снова — р-раз! И так до изнеможения... И тогда выхватываешь из рюкзака чекушку и делаешь большой глоток. И ещё один. Лишь после этого возникает облегчение. Но ненадолго. Эта чёртова плотва оплела меня по рукам и ногам! Меня удерживают плотва и плясовые ансамбли в кокошниках. Больше ничто меня не удерживает...

«Чего он городит?» — поразился Лёва. Но, внимательно взглянув на журналиста, понял, что тот уже изрядно под градусом, и успокоился.

— Я не могу отсюда уехать. Ключёт на опарыша. Четыре штуки подряд насаживаешь на мормышку и проводишь

над грунтом. Поклёвки разные — когда резкие, когда вялые.

— От меня Катажинка ушла, — поделился Лёва.

— Ну! — сказал Редькин, очнувшись от видений. — Со всем, что ли?

— Совсем.

— Со скандалом или без?

— Я и сам не понял. Как-то вот так — ни то ни сё.

— Если без скандала — это плохо. Это, считай, возможны варианты с внезапными возвращениями. Когда женщина уходит — надо, чтобы крику было, чтобы посуда по кухне летала.

— А посуда зачем? Она здесь каким боком?

— Посуда — первое дело. Надо, чтоб тарелки бились на мелкие куски. Если жена ушла — ты об этом в какой-то момент пожалеешь. И тут важно, чтобы при уходе скандал был на всю катушку. Ведь если без скандала, тебе захочется, чтобы она вернулась. Ведь захочется же?

— Не знаю. Я как-то не успел определиться. Дома просторно стало. Куда столько мебели натаскивали? Да и чего ей возвращаться? Что, ей делать больше нечего?

— Этих женщин не поймёшь, — объявил Редькин. — Уходят со скандалом, возвращаются со слезами. Если б наоборот — ясности было больше.

— Ясности с ними не будет никогда, — твёрдо сказал Лёва.

Макс не мигая посмотрел в Лёвины глаза:

— Я сейчас на мели, возьми мне водки, грамм сто.

Они заказали ещё по сто.

— С утра жаркий день, — сказал Макс. — Всю неделю обещают жару. Я слышал, ты потерял работу?

— А отчего, ты думаешь, жёны уходят? Конечно, потерял! Со мной произошло то, что может произойти

с каждым. Никто сегодня не застрахован. В стране экономическая обстановка складывается не лучшим образом. Реформы буксуют, кризис свирепствует. А кризис требует жертв. Против этого не попрёшь.

Макс почесал переносицу.

— Но почему кризис ударил именно в тебя? С чего это вдруг? Ведь он, зараза, мог отклониться чуть влево или чуть вправо.

— Значит, такова судьба.

— Это страшно — потерять работу?

— Ещё бы не страшно. Очень страшно!

— А чем страшно?

Лёва подумал.

— Когда ты дома с утра до вечера — поразительное количество еды улетает из холодильника. Супов там, котлет всяких... Намного, намного больше, чем когда работаешь.

— Жрать меньше надо! — донеслось из-за стойки.

— Пробовал, не выходит.

— У меня тоже положеньице, — вздохнул Макс, — со дня на день могут вышвырнуть из газеты. Раньше, что ни принесу, всё печатали. Теперь придирки одна за другой. Хотя бы с этими плясками. Редактор, тварь, заявляет: «Читатели могут неправильно нас понять! Ты о чём пишешь? У тебя не родная наша самодеятельность, а прямая реклама борделя для физических лиц и прочих клиентов со средними доходами! Я, — говорит, — восемь раз слово “ножки” вычёркивал»... Нет, ну какой подонок, ножки ему не нравятся! Держусь из последних сил.

— Не переживай. У тебя ж куча снимков. Отправь в столицу, в гляцевый журнал. В них, я точно знаю, платят настоящие деньги. Можешь недурно заработать. Подойди к любому газетному киоску — сколько гляцевых журналов развелось!

— Вот про гляцевые журналы мне не надо, — отмахнулся Редькин. — Любому из нас, провинциалов, до этого глянца как до Европы пешком. Какой, к свиньям собачьим, глянец! Когда я в тех журналах рассматриваю особняки, крутые тачки и мордатых владельцев яхт в панамках и с ядрёными девками под мышкой — я понимаю: они, счастливики, уже не с нами, они где-то далеко, за пределами нашей галактики. А какие фотки я могу предложить? Свадьбу в кафе «Жили-были» с ужравшимся папой невесты?.. Ты вот что, ты лучше расскажи: что надо делать, когда выгонят?

— А что тут делать? Ничего не надо. Сиди по возможности смиренно, без резких движений.

— Не-ет, ты не понял. Я сейчас обращаюсь к тебе как к специалисту по потере работы. Моральный надлом ощутим?

Лёва приосанился.

— Прямо сказать, не так чтобы очень, но что-то, да, надломилось.

— Вот! А как насчёт депрессии?

— Куда ж без неё? Если надломилось, то без депрессии в этом деле — никак.

Максим взволновался и даже заёрзал на скамейке.

— Я тоже ощущаю, что депрессия где-то рядом. Чуть ли не за спиной. Как только объявят: «Уволен», она, вроде бешеной собаки, вцепится! И как с ней бороться?

— Не знаю, как по научной методике, но я боролся опытным путём. Что сердце подсказывало, то и делал.

— Ну-ка, ну-ка...

— Прежде всего требуется хотя бы неделя, чтобы восстановить душевное равновесие. Это основа общего восстановления. Первые два дня нежелательно отлучаться из дома. Никуда не отлучаться. Вот так проснуться утром — и не отлучаться. Ни под каким видом.

— То есть замок изнутри на два оборота запереть?

— Почти. Кроме одного исключения. За пивом всё-таки надо выйти. Пиво в восстановлении душевного равновесия играет первостепенную роль.

— Подожди, — сказал Макс. — Мне надо записать. Он порылся в сумке, извлёк листок бумаги и ручку.

— ... играет первостепенную роль. Дальше?

— Но предупреждаю: не следует прибегать к затяжной многодневной пьянке. Пьянка с мешаниной всего подряд, от бормотухи до белого, при ограниченном наборе закусок резко — очень резко! — снижает тонус и деморализует. Игошкин, сосед через три дома, потерял работу рубщика на мясокомбинате и целый месяц так восстанавливался, но результат отрицательный. А нам, наоборот, требуется поднять тонус и заострить все моральные качества.

— ... качества, — азартно строчил Максим.

— Пиво рекомендую на первом этапе. Рецепт такой. Берёшь пиво, разливное, литров десять или пятнадцать — в зависимости от глубины депрессии. Пиво должно быть свежее: яйское, плотниковское — неважно, хотя плотниковское лучше. Берёшь пиво и приносишь домой. Если в доме нет селёдки, попутно купи селёдки. Две штуки холодного копчения достаточно. Перебора не допускай. Приносишь домой пиво, включаешь телевизор и устраиваешься напротив. Селёдку надо нарезать крупными кусками, а для пива сойдёт стеклянная кружка или обыкновенный стакан. Никаких фужеров, никакого богемского хрусталя — чем проще, тем лучше. По каналам найди что-нибудь располагающее к спокойному созерцанию. Избегай криминальных сериалов, громогласных певиц, интеллектуальных программ. Всё, что напоминает о прежней работе, должно быть исключено. Я рекомендую «Клуб

путешественников» или «В мире животных». В джунглях среди пауков и гадюк тебе будет уютнее.

— ...гадюк... уютнее...

— Итак, ты наливаешь пиво, делаешь первые два-три глотка. Пиво надо пить медленно, что называется — тянуть. Потянул — проглотил, проследил, как глоток прокатился по пищеводу. И опять. Потом пауза. Потом повторить. Одновременно вполглаза следи за тем, что делается на экране.

— Зачем?

— Попытайся раствориться в природе. Это важно! Почувствуй влажность субтропиков. Вдох, выдох — и вот ты почти уже там. Лианы. Пальмы. Цветы огромные, как блюда. И только чьи-то хвосты мелькают. Затем берёшь кусок селёдки. Шкурку — не сдирать. Разломи кусок на две части, при этом какая-то из половин отделится от хребта, и — зубами, зубами, где мяса больше, и вдоль шкурки вниз, вниз.

— ...вниз, вниз...

— Для сосредоточенного питья пива селёдку не заменит ничто. Есть, конечно, килечники-извращенцы, они, как пеликаны, заглатывают по целой рыбке сразу. Это ещё имеет какое-то объяснение, если ты выпиваешь с товарищами где-нибудь в песочнице, под грибком, и с утра предстоит бежать на работу, но какая работа, если её нет? Так что килька абсолютно исключается. Абсолютно, тут не может быть никаких компромиссов! Ты сидишь, пьёшь пиво, смотришь телевизор. Задействованы только глаза, уши и мочевого пузырь. Голова необременительно засоряется какой-нибудь южноафриканской чепухой. Так ты проводишь два дня. Нервы приходят в порядок, но ещё не совсем. На третий день ты берёшь удочки и идёшь на рыбалку. Лучше всего на озеро или пруд. Река — отпадает. Бегущая в реке вода напоминает о бренности жизни,

а проносящийся поверху мусор возвращает к собственным неурядицам. Сейчас это ни к чему.

— ... ни к чему...

— К тому же на озере ловятся караси — толстые и умиротворяющие. Когда карась лежит в садке, чмокая губами, — мол: ну что ж — сковородка так сковородка, — он и тебя приучает к спокойному восприятию ударов судьбы.

— Погоди. А наживка какая: перловка или навозный червяк? Это очень важно с точки зрения успокоения нервов.

— Перловка, конечно. Где ж ты в своей хрущёвке червяков найдёшь? Четвёртый, пятый, шестой и седьмой дни следует посвятить лежанию на диване. По истечении недели ты абсолютно готов к поиску новой работы. Я, во всяком случае, был готов.

— Это потрясающе! — воскликнул Макс. — Я однажды вёл в газете колонку «Полезные советы» и точно знаю: есть сто способов, как избавиться от морщин на шее. Скажем, с помощью соляных компрессов. А чтобы сбросить жир с брюха, придумана диета «Шесть лепестков» и диета группы крови — это когда сваливаешь в одну кучу и посылаешь лесом те продукты, которые отвратительно переваривает твой организм. Есть также японская диета. А ещё могу назвать — гречневую, рисовую, кефирную, белковую, яичную и тысячу других. Есть методы похудения с помощью сельдерея, активированного угля, имбирного чая... Но мне не попадалось ни одного — ни одного! — метода: что делать, когда человек теряет работу? Хотя такой метод, бывает, до зарезу необходим! Интересно — как ты до всего додумался? Что ценно, твой метод — универсальный, он годится сразу для жирных и тощих, с морщинами на шее и без морщин! Поделись: как это у тебя получилось?

— Тут в основном по наитию, — важно объяснил Лёвушка. — Обкатка в полевых условиях методом проб и ошибок!

Вся эта вдохновенная тирада была внимательно выслушана и за стойкой бара. Оттуда донеслось:

— Чего только не накрутят, подлецы, чтобы не работать. Пиво они целыми днями готовы дуть! Если выгнали тебя, дурня, ищи другое место. И нечего лакать всякую дрянь литрами.

— Неправильно ты рассуждаешь, Анастасия, — заявил Максим, поскрипывая портупеей. — Отвлечённо рассуждаешь! Сразу видно, что тебе не приходилось терять работу. Не выгоняли тебя.

— Как это — «не выгоняли»? И выгоняли, и сама бросала!

— Сама?

— Сама! Я, может, и из этой лавочки скоро сбегу.

— Не мели языком, подруга! Куда ты сбежишь? — не поверил Макс. — У тебя вон и выпивка, и закуска под рукой.

— Свой бизнес открою. Хватит на чужой карман горбатиться.

— Ну-ка, ну-ка, что же это за бизнес? — заинтересовался газетчик.

— Тебе зачем?

— Хочу понять, куда растут люди, оторвавшись от стойки. Что это будет? Салон красоты? Маникюр-педикюр, срезание сухих мозолей?

— Автомойка. Да, автомойка! Чего так смотришь? Я тут справки навела: выгода прямая.

— Ты — хозяйка автомойки? Тосечка! Налей себе двести грамм и запиши на мой счёт. С ума спятила!

— Ничего не спятила. Вон сколько машин развелось! А их обслуживать надо. Буду очищать корпуса и подкрылки, заниматься уборкой и химчисткой багажников

и салонов, а ещё полировать кузова и мыть двигатели. Можно и о шиномонтажной мастерской подумать, установить подъёмничек для мелкого ремонта. А там — и дальше. Дело наверняка пойдёт.

— Опомнись! Охота тебе окурки из салонов выгребать, пятна всякие с чехлов вычищать. Некоторые знаешь чем с бабами на сиденьях занимаются?

— И пусть занимаются. Машина разве только для того, чтобы ею собак давить?

— Нет, Анастасия, не женское это занятие. Прямо тебе говорю: не женское! Тут мужик нужен. А если ты будешь от пяток до бровей в соляре да ещё с грязной тряпкой в руках... Ты мужика сначала найди.

— На что он сдался? — Тося скривила губы. — Мужик, взять хотя бы тебя, как кролик: у него все мозги в штаны утекли и только там шевелятся. Если крольчиха захочет — он вскочит. Так что понадобится — будет и мужик. И соляра не отпугнёт. Ничто так не красит женщину, как деньги при ней.

— Вредная ты, Тоська. Я бы не стал мыть свою машину у тебя.

— Ты сперва на велосипед накопи, писатель...

Начали появляться другие посетители. Кто-то засиживался, а кто-то выпивал стаканчик сока или чего покрепче, расплачивался и уходил. Время приближалось к обеду, а разговор двух друзей всё никак не мог завершиться. Лёва раз за разом путешествовал к стойке. Но вот журналист, опираясь на стол, поднялся и твёрдо сказал:

— Пойду!

Лёва, которого неудержимо тянуло прилечь на лавку, спросил:

— Куда?

Макс неопределённо покрутил рукой:

— Куда-нибудь.

— А где это?

— Прямо!

Редькин долго выбирался из-за стола.

— Давно узнать хочу, — спросил напоследок Лёва, — как расшифровывается это ваше «ВРИО»? Что за название такое у газеты?

— «Вестник: реклама, информация, объявления».

— А-а, — осовело кивнул Лёва. — Понятно.

Нетвёрдой походкой проходя мимо стойки, опоясанный ремнями Макс притормозил:

— Эх, Тося. Знаю: не пойдёшь ты за меня замуж...
А могла бы!

Барменша нежно протирала тарелки.

— Ладно, иди уж, болтун. Только не пропадай надолго.

Когда он ушёл, Лёва обнаружил оставленный на столе листок и подвинул его к себе. «Разломить кусок селёдки на две части...» Буквы, как мелькающие хвосты, качались в разные стороны. «Пригодится», — подумал Лёва и спрятал листок в карман. Мысли в голове хоть и цеплялись друг за друга, но беспорядочно.

— Анастасия, откроешь бизнес — возьми к себе. Я машины мыть сумею.

— Посмотрим, — сказала Тося.

— Что значит «посмотрим»? Ты отвечай как положено: возьмёшь или не возьмёшь?

— Если возьму, чтобы у меня в автомойке — никаких джунглей. Никакой водки и селёдки. Про выпивку — и думать забудь!

— Как это? — не понял Лёва. — А как же машины мыть?

— Как в Германии. На трезвую голову. И даже не с похмелья.

— Ты ведь в Германии не была.

— Мало ли где я не была. Я в книжках читала. Немцы, когда машины моют, не пьют даже пива.

— Анастасия, Анастасия... Врут всё книжки.

Искать работу сегодня, пожалуй, не следовало.

Расстояние от «Колоска» до остановки насчитывало едва ли десяток шагов. Это расстояние Лёва одолел так, как будто переходил вброд реку, — ноги подламывало непонятым течением, норовило сбить. Один раз он даже споткнулся, но устоял. Дождавшись автобуса и приехав известным путём на «Красноярскую», бывший инженер по охране труда машинально забрёл в продовольственный магазинчик. Попетляв глазами по полкам, выбрал десяток яиц, банку кофе, несколько жёлтых пачек лапши «Роллтон», буханку чёрного хлеба. Подумал и добавил четыреста граммов «Докторской» и столько же колбасного сыра. Дома, добравшись до дивана, рухнул и ментально провалился в забытьё. Очнулся ближе к вечеру. За буфетом скреблась мышь. Кота не было. Вздыхая и шаркая ногами, потащился к умывальнику. Из зеркала глянула на него измученная физиономия.

— Да, — сказал Лёва тому, кто в зеркале, — искать работу — тяжёлое дело.

Растёр лицо холодной водой, выпил две чашки несладкого кофе и отправился в огород. Там, блуждая между грядками, сорвал и съел два помидора и один огурец. Гороха ещё пощипал. Когда возвращался обратно, за ним следом проскочил Доминик.

Над всяким днём, даже не совсем удачным, опускается в итоге ночной занавес. И звёзды, насылая сон усталому человеку, вплетают в этот сон надежду, что завтра всё изменится, всё будет лучше.

Утром заорал Доминик.

— Замолчи, тварь несносная, — пробормотал Лев. — Повесить тебя на дверной ручке...

Доминик заорал вновь.

Лев Иванович окончательно проснулся. Кот сидел возле дивана, из-за буфета доносился скрип — мышинные зубы точили плитус. Все домашние были в сборе.

— Ты не Доминик, ты — скотина. Ты думаешь, я себе работы не найду? Ещё как найду. Да мне стоит только захотеть — от предложений отбоя не будет! Вот погоди, ты ещё увидишь «Краковскую» в алмазах.

Кот в ответ издал душераздирающий вопль.

— Прекрати митинговать! — Лёва попытался изловчиться и ухватить кота рукой. — Лапы под корень тебе оторву, а брюхо вспорю и набью гречневой кашей.

Кот проворно отскочил и заголосил ещё громче.

— Я тебя предупредил, — сказал Лёва. — Не жалуйся потом, что не так понял.

Он спустил ноги на пол и сел на диване. Желудок тоскливо ныл, предчувствуя лапшу «Роллтон» и колбасу с обманчивым вкусом мяса. А что делать? Борща нет, свежей рубашки нет, Катажинка — сука. Кому она теперь носки стирает?

Надо было обживать новый день. Облачившись в поисковую форму — тенниска, бриджи, сандалии — Лёва отправился на промысел.

Опять раскалённое небо стекало вниз. И чем яростней палило солнце, тем решительнее женщины выскальзывали из одежд. А то немногое, что на них ещё оставалось, было таким лёгким и воздушным, так просвечивало насквозь, что у мужской части населения, вплоть до восьмидесятилетних старцев, голова кружилась не только от жары. Всякий, у кого имелась работа, в эти дни старался

от неё увильнуть. Неудержимо тянуло за город. Берега местной Яи с утра и до вечера были облеплены голыми телами. Кисли в корзинках бутерброды. Девушки, равномерно распределяя загар, поворачивались к солнцу упругими боками — то одним, то другим. Отцы семейств сидели в воде величественные, как бегемоты. Детишки и те становились вялыми и капризными, и редко где слышался бодрый писк и визг. Нагретая водка выпивалась с брезгливой гримасой и даже как бы через силу. Зато минералка «Борисовская» в полиэтиленовых полторашках, что при свинчивании пробки шипела, как змея, поглощалась в чудовищных количествах.

На этот раз Лёва, помня вчерашнее, стороной обогнул «Пшеничный колосок» и сразу направился в погрузочно-транспортное управление.

Трёхэтажная контора, скрытая за деревьями, одним боком жалась к железной дороге. Тепловоз, часто и нетерпеливо посвистывая, тянул цепочку вагонов на фабрику, где Лёвушка ещё недавно занимал отдельный кабинет. В вагонах ехал обогащаться уголь. Вдоль насыпи плелись трое рабочих, один на плече нёс кувалду. Лёва глубоко вздохнул, шагнул в контору и поднялся на второй этаж.

На двери, скотчем по углам, была прилеплена мультифора. Вложенный в неё лист гласил: «Отдел кадров». Ниже значилось: «Начальник отдела кадров Апальков Пётр Васильевич».

«Апальков, Апальков Пётр Васильевич, — повторил Лёва, — где-то я это уже слышал. Не на мясо ли комбинате какой-то Апальков фигурирует? Инженером по охране труда. Или не на мясокомбинате? Хм, Апальков...» Это так его зацепило, что общаясь с кадровиком, он раза три подумывал: «Где же раньше встречал эту фамилию?..»

Лёва коротко стукнул согнутым пальцем в табличку и, не дожидаясь разрешения, вошёл.

Кабинет, где он очутился, был самым заурядным кабинетом конторского служащего. Он походил на все другие кабинеты начальников средней руки. В нём, безликом, ничто не напоминало ни о погрузке, ни о транспорте, ни даже о железной дороге.

Возле окна, опершись на подоконник и заглядывая вниз, стоял круглый, плотный человек лет пятидесяти с совершенно безволосой головой. Приподняв правую ногу, он легонько почёсывал ею левую. В белых туфлях, песочных лёгких штанах и рубашке-безрукавке он уместней смотрелся бы на каком-нибудь приморском курорте со стаканчиком тающего мороженого в руке или там же на тенистой аллее, возле киоска «Соки-воды», опять же со стаканом какой-нибудь пепси-колы. Человек обернулся на стук. Лицо с незначительными морщинками украшали скромных размеров очки в тонкой золотой оправе. Глаза были чёрными и живыми, а взгляд цепким, как у любого кадровика. Это и был Пётр Васильевич Апальков — самый первый, кто встречал желающих влиться в славные ряды железнодорожников. Он же осуществлял отсев недостойных.

Когда-то давно, совсем в иную эпоху, а на самом деле всего лишь несколько лет назад, когда в Асинске было не протолкнуться от предприятий, погрузочно-транспортное управление считалось местом отвратительным, непрестижным. Тут никому не сулили больших денег и мало представлялось возможностей что-нибудь прибрать к рукам — вагон ведь в кармане не унесёшь. Кадров не хватало — до слёз! Путевые обходчики испарялись после первой же зарплаты. Вместо них являлись такого же пошиба. Пётр Васильевич смотрел на них печальными глазами коровы, которую ведут на убой. Всех «летунов»

в городе он знал, как космонавтов, — поимённо. И если трудовая книжка человека была тоньше, скажем, одно-томника какого-нибудь маститого литератора, Апальков правдами и неправдами убеждал такого кандидата написать заявление о приёме. Он суетился, говорил вкрадчивым, льстивым голосом и улыбался не переставая. Теперь положение изменилось. Необъятное количество работы в Асинске истаяло до ерунды, тогда как число желающих получить её возросло многократно. Претенденты метались по стремительно редющим отделам кадров и были согласны на любые условия.

После краткого обмена приветствиями хозяин кабинета небрежно указал на стул:

— Прошу.

Несколько мгновений Апальков и гость изучали друг друга. И если неискущённому Лёвушке хватило беглого осмотра, то кадровик постарался проникнуть в самое нутро новичка. И не просто проникнуть, а как следует покопаться в нём.

Но даже и при таком тщательном подходе неверным будет думать, что Апальков очень уж сильно страдал за работу.

Нет, вовсе нет!

Жизнь Петра Васильевича состояла из одиннадцати однообразных, пустых месяцев, в которые он, по его словам, вкалывая почище каторжника, собирал и накапливал денежки. А двенадцатый месяц был праздничным. Двенадцатым месяцем являлся отпуск. Отпуск служил единственным оправданием давно немилрой, опостылевшей службы. Ради отпуска он соглашался пахать как проклятый, стиснув зубы. Дело в том, что Пётр Васильевич любил путешествовать. Любил разные маршруты, но особенно — дальние. Начисто лишённый музыкального слуха, он так категорично утверждал: «Отпуск — это

симфония!»), что никому и в голову не приходило усомниться. Причастность к железной дороге раз в год давала возможность бесплатного проезда туда и обратно в любые уголки страны, и эту возможность он использовал на полную катушку. Когда с любимыми уголками было в основном покончено, открылись границы, и Апальков смело шагнул за пределы родины.

До очередного отпуска оставалось полтора месяца, но Пётр Васильевич уже подбирался, уже готовился к нему, как хищник к победному прыжку. Нижний ящик рабочего стола был плотно забит открытками и буклетами тех восхитительных мест на пяти земных континентах, где пока ещё не оставили отпечатков его подошвы. Весь мир, казалось, запрыгнул к нему в этот ящик, явив себя самой диковинной и красочной своей стороной. И библиотеку в доме Пётр Васильевич имел порядочную, и книжки любил перечитывать. Но не подряд, а те страницы, где живо и впечатляюще описывались дальние страны. И поскольку он был опытным путешественником, то знал также, что даже яркая картинка не вберёт в себя того, что может выхватить, оказавшись на месте, внимательный глаз наблюдателя. Родись он на два века раньше, не миновать бы ему участи Пржевальского или Семёнова-Тян-Шанского.

— Так-так-так, — сказал Апальков. — Значит, на работу к нам решили устроиться? А кем до этого работали?

— Специалистом по охране труда.

— Положим, специалист по охране труда у нас имеется один. Другого пока не ищем. Образование какое?

Лёва ответил.

— Да ну! И документ имеется?

Лёва вынул из хрустящего пакета и протянул диплом. Кадровик поднял бровь и с возрастающим любопытством взглянул на документ, а затем на Лёву:

— Смотри-ка, и правда инженер-океанолог! Сколько тут сижу — всякого навидался, но таких специалистов к нам ещё не заносило. Океанов поблизости пока не нарыли, выходит, в иных краях довелось поработать?

— Отрицать не буду, на Дальнем Востоке.

— Скажите пожалуйста — на Дальнем Востоке! Диковинный край! Вот где ни разу не пришлось побывать. Так-так... А чего сюда пожаловали?

— По семейным обстоятельствам.

Апальков, как диковину, вертел в руках диплом.

— Бывает, бывает. У всякого свои обстоятельства. К нам каждый с разными обстоятельствами приходит... Хочу полюбопытствовать: что, климат там и впрямь мягче, чем у нас?

— Насчёт климата можно сказать двойко, — охотно объяснил Лёва, — снег подолгу не лежит, и морозы, конечно, не такие. Однако ветер, если налетит, пробирает до самых костей. И воздух сырой. Есть во Владивостоке бухта Тихая — на сопке спальный район построен. Если летним утром туман застиг — рубаха мокрой становится. Там даже днём сумрачно. Влага висит, как в парной.

— Туман везде есть, — отмахнулся Пётр Васильевич. — Зато какая тайга! Дремучая, бескрайняя! Силища, да и только! Читал я книжку про Дерсу Узала. В ней так и написано: идёшь по тайге — сплошные заросли. Заглянешь под дерево: женьшень растёт. Его корень — организм омолаживает. На водке настаивать надо. Вы женьшень под деревом находили?

— Нет, не случилось.

— Ах, как жалко! — огорчился Апальков. — А мне говорили, его там полным-полно. Не меньше, чем груздей в наших лесах.

Лёва решил не расстраивать человека.

— Конечно, полным-полно. Только не везде попадает-ся. Чтоб его отыскать, надо ехать в какой-нибудь женьшневый район, в Хорольский или в Хасанский. У нас ведь тоже: если за груздями, то лучше всего — в сторону Судженки. А как приехал — хоть косой коси.

— Я так и предполагал! Значит, дикие места сохранились?

— Ещё как сохранились! Диких мест — навалом. Зайдёшь в тайгу и диву даёшься: одни дикие места. Косули всякие, изюбры — и те плутают. При мне тигры несколько раз к посёлкам выходили.

— Никогда бы не подумал! И на людей нападают?

— Всякое бывает. Если он от голода озверел — что ж... Его понять можно.

— А рыба? Рыбы в реках достаточно?

«Вот привязался!» — подумал Лёвушка.

— Рыбы столько, что девать некуда. Пробираешься иной раз по берегу вверх по реке, и косяки вместе с тобой против течения — нереститься. Ты ломишься через кусты, они через пороги.

— О, я не сомневаюсь, что там даже когда пескари поднимаются на икромёт — вода кипит!

— Вполне возможно.

Слушая Лёву, Пётр Васильевич жмурился, как кот.

— В природе много необъяснимого. Вот рыба: казалось бы, от носа до хвоста — всего ничего, а ведь тоже со своим характером!.. И на каком же поприще в этом славном краю вы прилагали, так сказать, силы?

— В трудовой указано: конструкторское бюро, отдел траловых орудий лова, сектор распорных средств.

— Как-как? «Распорных средств»? Что за сектор такой, что же вы «распирали»? — интерес, отпечатанный на лице Апалькова, всё возрастал. — Это даже как-то антинаучно звучит!

— Понимаете, — взялся втолковывать Лёва, — трал состоит из ячеек — сначала побольше, потом поменьше. А в целом похож на авоську. На обыкновенную авоську, только огромных размеров. Если его растянуть, несколько десятков метров будет! Вход в него называется входным устьем. Чтобы входное устье для захвата рыбы было как можно шире, используются разные приспособления. Силуминовые кухтыли на верхней подборе, груза-углубители на нижней. А вот с боков применяются распорные доски.

— Ни разу ни про какие доски не слышал. Из какого дерева?

Лёва решил быть терпеливым, чего бы это ни стоило.

— Они не из дерева — из железа. Это раньше, давно, были из дерева, вот название и сохранилось. Такие огромные гнутые листы с дугами и килем, чтобы вход в трал растаскивать в ширину.

За окном восхищённо свистнул тепловоз, а Пётр Васильевич покрутил головой:

— И сколько времени в этом распорном секторе вы отработали?

— Семь лет.

— Хм... И чем же семь лет занимались? Долго, что ли, изготовить лист с килем?

— Изготовить недолго. Вся хитрость в другом: подобрать такой профиль, чтобы давал наибольший распор при наименьшем сопротивлении. Мы даже в Казань выезжали, десятки разных макетов испытывали — как самолёты, в аэродинамической трубе. Датчиками облепим, воздухом дует и замеряем.

— Ах ты — в трубе! — радостно воскликнул Апальков. — Самолёты и рядом эти ваши доски? Ну и ну! А в морях бывать приходилось?

— Конечно, приходилось. И рыбу ловили разными тралами. Пелагическими брали большие косяки, тонн по тридцать, в толще воды. Но такие траления неинтересны, там рыба практически однородная — или минтай, или скумбрия. А вот донными тралами черпали то, что на грунте. И чего в уловах только не попадало! И треска, и камбала, и палтус, и кальмары — всякая всячина. Даже крабы с креветками бывали. Такие, знаете, огромные камчатские крабы!

— Меня вот какой вопрос давно занимает. Я косяк представляю так: впереди — вожаки, сзади — арьергард. Плывут клином, как положено. Но почему они в сети лезут? Такая куча рыб! Неужто никто из вожаков не сообразит: стоп, тут опасность! Тут поворачивать надо и удирать сломя голову. Иначе — не жить.

— Они, может, и соображают, но когда массы напирают сзади — ситуация безвыходная.

— Если так, — сказал Апальков, — тогда — да, тогда ничего не поделаешь. А с этими досками и тралами... Я считаю, государство у нас... того... ко многому по старинке подходит. Сами прикиньте, сколько в стране рыбаков возле речек и озёр ошивается. Поезжайте на Яю — к берегам не подберётесь! Мой шурин Овчинников, пенсионер, неделями с удочкой торчит! Если посадить на корабли всех пенсионеров и отправить в океаны — это ж какие перспективы для экономики, какая занятость населения! О-о! А удочки они свои возьмут. Самым нетерпеливым можно путёвки продавать — купят. И социальные службы, избавившись от работы, будут счастливы до невозможности! А вы — «доски, тралы». Дорого это всё. Дорого и неэффективно! Разве я не прав?

— Как вариант — вполне допустимо...

Нетрудно заметить, это был разговор людей, которые не только много знают, но и обо всём имеют исключительно своё, личное суждение.

Тем временем Пётр Васильевич выбрался из-за стола и снова приник к окну. Внизу лениво возил метлой по асфальту человек в оранжевой куртке. Слева от конторы по блестящим на солнце рельсам медленно удалялся тепловоз. Машинист, высунувшись из окна, внимательно смотрел вперёд.

— Да, — вздохнул кадровик. — Бывал я на море: на Байкале отдыхал по путёвке. Глянешь с берега — сплошная вода. До самого горизонта. И волны плещутся. Стихия!

Он повернулся к Лёве:

— Когда под ногами твёрдая опора — это всё-таки лучше. И за границей мне больше нравится. В Европу нам надо курс держать, в Европу! Что вы думаете на этот счёт?

«Как его растащило!» — мысленно сказал Лёвушка, а вслух произнёс:

— Я, конечно, придерживаюсь схожего мнения, но только мы ещё не доразвились до настоящей европейской демократии, до полного раскрепощения всех устоев. Европа не любит нас.

— Да, нас терпят пока не все. Но мы разве чего плохого хотим? Нам бы на людей посмотреть, на то, как они устроились. Столько домов с лужайками и дорог разных! Европа мирная и чистенькая. Но — другая, это верно.

— А в чём она другая? Положим, говорят по-своему. А ещё?

— Да много в чём. Даже в каких-нибудь пустяках. Там, что удивительно, у каждого есть совок и веник. И каждый за собой убирает. Подметёт и непременно — в совок и в мешочек. А если ненароком толкнёшь кого, перед тобой же норовят извиниться: мерси, мол, мерси. Европейцы все — поголовно — маленькие. Крохотули. И всё у них маленькое. В Европу надо приезжать со своим микроскопом, иначе многого не разглядишь. Но и там попадаются местечки, где нам, прямо скажу, радуются,

как самым дорогим и близким. А почему? Европа — на денежки падкая. Когда достаёшь кошелёк с долларами, даже солидный пан готов для тебя штаны снять — я видел, я знаю. Скоро опять поеду, в Болгарию теперь.

— А где вы побывали, позвольте спросить?

— Да уж побывал. В прошлом году Чехию осмотрел. Очень забавная страна, очень. Вся — с ладошку! Выпил, чуть покачулся — и ты уже в Германии. Есть там городок — Тыниште над Орлице. До конца дней его не забуду. Вокруг этого городка кабанов развелось — пропасть! Там дубовые леса, желудей немерено, вот они и жируют. Когда в город прибегают, на собак бросаются. Собаки вечером ещё твякают, а утром уже не слышать. На рассвете, часиков в шесть, выглянешь в окошко, а на лужайках — свиные рыла. Прямо вот одни сплошные рыла! Чехи от этой напасти волосы на себе рвут. А что делать? Попробуй только тронь — партия «зелёных» грудью на защиту бросается. При таком попустительстве, помяните моё слово, захватят кабаны Европу, проникнут во все её города. Страшно подумать: приезжаешь в какой-нибудь Баден-Баден, а он изрыт кабанами.

— В Баден-Бадене желудей мало, кабанам не хватит.

— Всё равно такого нельзя допустить. Европейцы — они ведь страшно подозрительные, наверняка унюхают политическую подоплёку. За кабаньим рылом, скажут, прячется рыло Москвы!

— С них станет! На мой взгляд, наших международных отношений это нисколько не улучшит.

— Ещё бы! Кто бы что ни говорил, но демократия и кабаны — вещи абсолютно несовместимые. Я так думаю: Чехию спасут браконьеры. Только на браконьеров надежда! Браконьеры и так их — понемногу... Кабанье мясо — редчайший деликатес. Вы знаете, меня особенно впечатлили задние окорока. Очень впечатлили! Когда

кабана — того, их отделяют для посола, копчения и последующего запекания, а также и для варки. Чехи настолько наловчились — первым делом глянут на изрытую кабанами лужайку и плачут, плачут: испортили, сволочи. А потом отрежут копчёного окорока и уписывают за обе щёки. Хороша и жареная грудинка с картошкой или капустным гарниром. А тушёное кабанье мясо в сметане — это и вовсе нечто, от стола не оттащишь!..

Пётр Васильевич закрыл глаза и причмокнул губами.

Лёвушка смекнул, что настало время для самого главного вопроса:

— Вы меня на работу берёте?

Кадровик замер, вспомнив, зачем этот посетитель оказался здесь.

— Нет, не беру.

— Почему?

— Почему-почему. Потому!

Прощание вышло сухим.

«Апальков, хм... Апальков, — размышлял Лёва, выбравшись из конторы. — Что за Апальков, где он мне попадался?..» Не так ли порой любому из нас встрянет в голову фамилия, и бьёшься над разгадкой: откуда я её знаю? И сидит, проклятая, в мозгах, пока не вспомнишь или не позабудешь окончательно. Впрочем, Лёвушка был не такого свойства человек, чтобы долго задумываться о пустяках.

Слева от автозаправочной станции за деревянным забором размещалось некогда славное общество — ДОСААФ.

Когда-то прямо к этому самому забору, который едва держался сейчас на хилых прожилинах, была прибита

яркая картина — метр на два. Местный художник изобразил румяного хлопца, как бы стопроцентного асинца. За его спиной роем летали военные самолёты и пересекали море фрегаты. Хлопец мечтал служить родине и призывал всех последовать его примеру. Теперь картина исчезла, а за гнилым забором тишина стояла такая, что ни о каком содействии армии, авиации и флоту в данный момент рассуждать не приходилось. И всё-таки Лев решил попытать счастья и здесь.

Сразу за кривой металлической аркой с указующей вывеской, которую изрядно успели подпортить ржавые подтёки, встал в землю одноэтажный учебный корпус. Чёрные как уголь деревянные стены помнили если не Ермака с дружиной, то уж наверняка лихую конницу Фрунзе, проскакавшую мимо, чтоб на Тихом океане свой закончить поход. В дальнем углу торчали запертые гаражные боксы с массивными воротами.

— Кто такой? Чего здесь позабыл?

Перед Лёвой вырос сердитый старик в грязноватой, с длинными рукавами рубашке, в полосатых штанах и шлёпанцах на босу ногу. Всё на нём было изрядно поношенное, однако гонора ему было не занимать.

Лёва смерил старика тем взглядом, каким гробовщики измеряют своих клиентов, и объявил:

— Я, папаша, насчёт работы узнать.

— Ну, заходи.

Старик развернулся и направился к дверям корпуса, хлопая задниками тапок. В вестибюле с низким потолком не переводился сумрак. Напротив немытого окна, вдоль стены, стояла длинная лавка. На стене в ряд висели плакаты, доходчиво объясняющие действия отравляющих газов. Было прохладно, и тянуло сыростью.

— Садись, — сказал старик и сам устроился рядом, закинув ногу на ногу. — Какой такой работы?

— А какая тут есть?

— А с чего ты взял, что она тут есть? Никакой работы тут нет.

— Но вы-то ведь работаете?

Старик со скрипом почесал пятку.

— Я? Конечно, работаю.

— Вот!

— Что — «вот»? У меня должность незаменимая.

— Так вы — директор? — воскликнул Лёвушка. — Как это я сразу не сообразил!

— Почему директор? — обиделся старик и даже сплюнул на пол. — Сторож я. Добровольное общество охраняю. Без меня нельзя, а то последнее разворуют.

Янушонок оглядел ветхие стены, гнилой щелястый пол.

— Да что здесь можно разворовать?

— Разворовать всегда что-нибудь можно. Оставь объект без присмотра, через два дня щепки не найдёшь. А то и суток за глаза хватит. Кое-кто давно зарится. Забор потихоньку разбирают. Сегодня прихожу: три доски оторваны — на дрова, не иначе. Верка с той стороны живёт. Пацан у неё малолетний, но уж очень хозяйственный. Никак прихватить не могу.

— Сейчас-то зачем растаскивать? Жара на улице.

— А баню топить? — Старик поднял бровь, изумляясь Лёвиной туповатости. — Любая банька, даже плохонькая, завсегда дров требует. Баню углём не топят — жар для тела неподходящий. Баню надо топить берёзовыми полешками. А когда нет полешек, то и доски от забора сгодятся.

— Я понял. А где начальство? Мне б с начальством пообщаться.

— Начальство теперь на природе. За Томском, на озёрах. Рыбу, считается, ловить уехали. В прошлом месяце,

когда ездили, хвалился: три дня резиновых сапог не снимали.

— Три дня ловили?

— Три дня водку глотали. Из сапог вылезти не успели, времени не хватило. У директора, когда вернулся, рожа была зелёная, как, примерно, твои штаны. Хоть в страшном кино снимай. А рыбы в деревне купили.

Из щели в полу выбрался шустрый паучок, и старик прихлопнул его ногой.

— Что же, папаша, с содействием армии и флоту — дело швах?

— Почему это швах? — не согласился дед. — Тут мой рубеж. Пока я здесь стою — есть и содействие. Пусть и не шибкое, но — есть. И начальство за мной.

— Так ведь пьёт твоё начальство.

Старик внимательно глянул на Лёву умными глазами.

— Не пить нельзя. Это как на фронте — для храбрости. Моё начальство всегда говорит: «Как выпью, так вижу, что держаться ещё могу. А на трезвую голову — хоть в петлю лезь».

— Ладно, папаша, пойду я.

— Иди, иди.

Старик проводил Лёву до арки, пожелав напоследок:

— Ты узнавай, где сторожа требуются. Эта работа верная, не прогадаешь. Сейчас вся страна на охране держится, потому и не до конца развалилась.

Лёва поскрёб подбородок:

— Что-то мне подсказывает, что охраняемого осталось гораздо меньше, чем охранников.

— Подсказка неправильная! Не меньше, а процентов пятьдесят на пятьдесят.

Вторая за утро осечка несколько не убавила Лёвушкиной прыти, и он оставил территорию добровольного общества полный решимости продолжить поиски.

Рядом с диспетчерской, сразу за домом, где размещался уже известный «Пшеничный колосок», сверкало свежими окнами построенное впопыхах кирпичное здание. На трёх этажах, словно разнокалиберная живность в сказочном теремке, квартировали всякие, на посторонний взгляд трудно сочетаемые постояльцы: общество слепых, служба оперативного контроля, парикмахерская (!), общественная приёмная главы города, бюро технической инвентаризации и прочие, прочие. И точно так же, как ёж, петух, лягушка и мышка-норушка, они мирно уживались между собой. Правда, от засилья конторок, от ужасной тесноты и скученности здание стало угрожающе раздуваться изнутри. И чтобы окончательно не лопнуло, его с фасада, от первого и до третьего этажа, схватили стальными швеллерами, которые, если взглянуть издали, походили на рельсы, поставленные на попа в промежутках между окнами. Лёва посмотрел на взмывающий в небо рельсовый путь, нырнул в узкий проход и, пропустив оперативный контроль и парикмахерскую, зряче зашагал в правое крыло, на второй этаж. Тут помещалось управление гражданской обороны.

Невероятно, но гражданской обороной в Асинске, за вычетом начальника, занимались исключительно женщины. Причём это были женщины разного возраста — от соблазнительного до среднего.

За стеклянной дверью открывался коридор, по которому следовало пройти, потом справа ещё одна дверь с поясняющей табличкой — она указывала, что там, за этой дверью, находится.

Шагнувший сюда из коридора изумлённо замирал на пороге. И было отчего: он попадал в сплошное царство зелени — светлой зелени, тёмной зелени, зелени с бурыми оттенками! Её здесь буйствовало столь много —

и в пузатых деревянных кадках, теперь уже смутно помнящих о квашеной в них капусте, и в кастрюлях, когда-то наполненных борщами, и в миниатюрных горшочках, — что большая удлинённая комната чудесным образом превратилась в кусок тропических прерий.

В Асинске таких дремучих зарослей не было больше ни в одном присутственном месте!

По углам устремлялись к потолку громадные, с мохнатыми стволами деревья, одни — с листьями-лопухами, другие — с твёрдыми и узкими стреловидными листьями. В плотных лопуховых массивах можно было без особого труда спрятать в засаде некрупный партизанский отряд. На широких подоконниках теснились горшочки с разной цветущей и опоясанной шипами мелочёвкой. Из кастрюль, оседлавших деревянные полки, выбирались и ползли по стенам длинные вьющиеся щупальца, переплетаясь треугольными листочками и огибая друг друга. Даже с двух старинных шкафов спадали вниз зелёные волны. Для полного сходства с джунглями не хватало лишь рёва невидимых за деревьями бабуинов. В такой обстановке амазонки в звериных шкурах и с перьями в волосах были бы уместней чиновниц в цивильных одеждах, а лук и стрелы смотрелись бы гораздо убедительней канцелярских столов. Однако присутствовали и столы, и обыкновенные одежды, и даже хиленький журнальный столик-недомерок с кофейником, чашками и баночками с вареньем. В дальней стене, под нависшими стеблями, угадывалась малозаметная дверь. За ней располагался кабинет начальника.

У выдвинутых из зарослей пяти канцелярских столов подгибались ножки от наваленных бумаг. Беспорядок был как перед эвакуацией — через два дня ожидалась проверка из области, обещали нагрязнуть подполковник и три майора.

С распадом большой страны дела в гражданской обороне Асинска пребывали в аховом состоянии. Бомбоубежища оставались заброшены, а иные и вовсе разбиты и разграблены. Новые противогазы лет пять не приобретались ни одним из пускающих пузыри объектов собственности. Зато отчётность возросла в разы. Инструкции и указания из областной конторы летели, как птицы, — стаями. Вслед за ними оттуда являлись комиссии.

Майоры с расплюснутыми от проверок задницами возбуждали трепет. Особенно лютовал один, предпенсионного возраста, по фамилии Расторгуев. С крючковатым носом, похожий на филина, он часто повторял любимейшую присказку: «Чем основательней проверяемого порешь — тем больше пользы!»

Страшным майором амазонки-оборонщицы пугали друг друга: «Вот погоди — появится Расторгуев...» Или: «Доберётся до твоих бумаг Расторгуев, будет тебе порка по всем правилам!»

Но поскольку проверки случались часто, то поротые как-то уже и притерпелись, и попривыкли к поркам, и настоящего ужаса не вызывали. И потом, каждая сотрудница, будучи женщиной полувоенной, в глубине души понимала, что строгость необходима, что без строгости никак. Паника в прериях была, скорее, напускной — между лёгкой и средней. Извлекались на свет схемы и карты, срочно уточнялись списки подготовленных мероприятий, наводился внешний лоск на планы по антитеррору.

Одна из гражданских оборонщиц, самая хорошенькая, чей стол находился у двери начальника, нервно рылась в куче папок, живописно разбросанных на столе.

— Девочки! Никто не видел «План действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на молочном комбинате»?

Амазонки не отреагировали. Две были заняты разговором, одна — отчётом, а ещё одна вооружилась лейкой и поливала жадную до влаги разбушевавшуюся зелень.

— Куда этот чёртов «План» запропастился!

— Зачем он тебе? — откликнулась та, что с лейкой.

— Мне-то он даром не нужен.

— А кому тогда?

— Кому, кому... Будто не знаешь. Вот всегда так: когда что-нибудь потребуется — сроду не найдёшь!

— Сашке купила кофточку, а он носить отказывается, кричит: девчачья, пацаны в школе засмеют!

— Кто слышал, говорят, Газманов с концертом приезжает?

— Нет, бежевое лучше.

— Я сейчас точно удавлюсь из-за этого «Плана»!

— Плюнь ты на него!

— Ага, как же... Как назло, из головы выскочило: записан ли у них в «Плане» сводный отряд аварийных работ? Ведь вот же — вчера помнила, а сегодня — нет!

— А при чём здесь Расторгуев?

— Да он в прошлый раз прилип: что там с отрядом, сколько в нём человек, каково оснащение, проводятся ли тренировки? Дался ему этот молочный комбинат!

— Позвони и выясни.

— Ты что, молочный комбинат не знаешь? Наврут с три короба, а если Расторгуев вздумает проверить — такого потом наслушаешься! Я и сметану у них сроду не беру: неизвестно, что в банках намешают... Нет, без выезда на место никак не обойтись. Валерий Маркович сказал, через час едем.

Амазонка слева, раздражённо переправлявшая старый отчёт, подняла голову:

— Что-то часто вы с Валерием Марковичем на предприятия выезжать стали.

— Сколько надо — столько и выезжаем.

— Ну-ну...

Наступила пауза, прерываемая шелестом бумаг, журчанием воды и проклятиями исчезнувшему «Плану». Поливальщица, напоив ближние горшки, втянула голову с мелкими кудряшками в плечи и нырнула под лопуховое дерево. Листья тотчас сомкнулись над ней.

— Аня, может, ты «План» взяла?

Ветки колыхнулись, из-под них на миг показался красный нос лейки, а затем и сама Аня.

— Для чего он мне?

Лейка и Аня спрятались.

— Мало ли. Я у тебя на столе часто свои бумаги нахожу. В лопухах замелькала возмущённая лейка:

— Ты сначала у себя порядок наведи, а то швыряешь куда попало, и я же виновата!

— Это кто — я швыряю?

— Ну не я же!

Перепалка, возникшая на почве ликвидации чрезвычайных ситуаций на молочном комбинате, грозила обернуться нешуточным скандалом, но тут появился Лёвушка.

Открыв дверь, он, как и любой, впервые попавший в гражданскую оборону, опешил от зелёного буйства и едва не выскочил обратно. Затем, оценив обстановку, с удовольствием отметил кофейник и чайные чашки на журнальном столике: «Смотри-ка, чаёк-кофеёк, то-сё! Неплохо бы здесь задержаться. И мои салатные штаны отлично вписываются в местность. Я как будто из этого леса вышел!»

От крайнего стола раздался вопрос:

— Мужчина, вы к кому?

— Мне б к начальнику вашему.

Амазонка, потерявшая «План», предупредительно подняла руку:

— Подождите, Валерий Маркович по телефону разговаривает.

И впрямь, из-за двери приглушённо раздавался властный голос: «Мне проблемы ваши — до одного места, и ваши денежные дела меня не касаются! Плевать, из каких средств вы будете это оплачивать!» Лёва замялся.

— Да вы присаживайтесь, присаживайтесь, вот стул.

В обязанности амазонки-растеряхи входили, как можно догадаться, и секретарские полномочия. Она отмела к краю разбросанные папки.

— Вы из какой организации? Из горздрава? Список эвакуационной комиссии принесли?

— Я не из организации, — честно признался Лёва, устравиваясь удобнее. — Я сам по себе.

— Вот как? Тогда по какому вопросу?

— Работу ищу. Хочу узнать, нет ли у вас работы?

Три сотрудницы разом обратились к Янушонку, и даже кудрявая, с лейкой, высунула голову из лопухов.

— Работы хватает — как не быть? Мы тут, можете убедиться, завалены работой. И вся срочная. А вы, случайно, не бывший военный? — продолжала заинтересованный допрос секретарша.

— Офицер запаса, — приосанился Лёва. — В университете военная кафедра была.

— Служить в армии не довелось?

Лёва развёл руками.

— Это хуже, намного хуже. Но не безнадежно. С документами раньше дело имели? Отчёты, справки, доклады. Как их составлять — знаете?

— А как же! Да я тысячу разных бумаг написал! Ответ на запрос или какое-нибудь распоряжение — в пять минут могу изготовить.

Взгляд секретарши становился всё теплее.

— Документов у нас — горы, — доверительно сообщила она. — Не успеваем управляться. К тому же надо выезжать с инспекторскими проверками на предприятия.

— Я готов.

— А ещё комиссию ждём. Нас самих по несколько раз в год проверяют!

— Я этих комиссий штук сто принял! И понял их насквозь. Там такие же люди, как и мы. Им что важнее всего? Чтоб бумаги с виду были в образцовом порядке. Чтоб если у инструкции титульный лист, то обязательно — свежие подпись и печать. А если две подписи и две печати — ещё лучше. Внутри никто и никогда не подумает нос засунуть! У документа внешность должна быть идеальной, а сразу за первым листом — хоть анекдоты клеивай.

— Прямо-таки анекдоты? — усомнилась амазонка-секретарша.

— Слово даю! — с жаром заявил Лёвушка. — Я, когда работал... Ну, неважно. Так вот, я «Камасутру» разделил на три части и на каждой сверху прилепил лист: «Инструкция по пожарной безопасности». Кто ни зайдёт с проверкой — я весь в делах: пожарную безопасность штудирую!

— Хм, — неодобрительно хмыкнула корпевшая над отчётом.

— Так-так, уже неплохо, — карие глазки секретарши заиграли. — Нам в коллектив нужны сообразительные мужчины. Такие вот хваткие и настойчивые. Вы в гороскопы верите?

— Абсолютно! — сказал Лёва. — Я и к вам пришёл по гороскопу.

— По китайскому?

— По китайскому.

— А по китайскому — вы в какой год родились?

Лёва усмехнулся:

— В год Быка.

— А я — в год Собаки. Представляете? Собаки не терпят несправедливости. Как только вижу кого-нибудь несправедливого — порвать готова! Но и у вас знак хороший. Быки всё делают серьёзно и основательно.

— Бык — он и есть бык, ничего в нём хорошего нет! — отчеканила та, что с отчётом, и сурово посмотрела на Лёвушку.

«Ведьма!» — определил он.

Растеряха-секретарша продолжила:

— Они не одобряют новшеств, но это даже к лучшему. Быки всегда готовы к трудностям, умеют их преодолевать и добиваться своего. Как Бык, вы надёжный.

— Началось! — съехидничала ведьма.

— Быки ещё и люди порядочные, — откликнулась амазонка с лейкой. — Я сумочку уронила, а сосед нашёл и отдал. Оказалось — Бык.

Та, что строчила отчёт, бросила ручку и вскинулась со стула:

— А у моей сестры муж по командировкам мотается. Третий год как зачастил по командировкам. Дома не удержишь. Зальётся — на неделю. И всё в Междуреченск норовит, в Междуреченск! Тоже Бык.

— И что? — спросила амазонка-секретарша.

— Как «что»? Он — Бык, а там — тёлки.

Ведьма села.

— Мужчина, если он Бык, обязан быть Быком. А тёлки есть везде, на это гороскоп не влияет.

— Как это «не влияет», если сестра на развод подала!

Повисла пауза.

— Похоже, Валерий Маркович закончил разговор, — сказала амазонка-секретарша. Она прислушалась к наступившей за дверью тишине. — Идите. И не робейте.

Возглавлял оборонную контору молодцеватый подполковник по фамилии Клещёных.

Его небольшой кабинет разительно отличался от буйных прерий и смахивал, скорее, на суровую пустыню. Он был до такой степени лишён не только зелёных зарослей, но и обычного набора административной мебели — полочек и шкафов, — что в голове у Лёвушки на миг сверкнула дикая мысль: «Не побывал ли здесь папаша Катажинки со своими подручными?» Стол, три стула — и всё. В центре стола помещался перекидной календарь на подставке. Открытые листочки были разрисованы крупным корявым почерком. На углу друг на друге громоздились две папки в пластиковых корках — красная и чёрная. Верхнюю, красную, украшал бумажный квадратик со словом «Приказы». Ещё имела место пепельница на втором углу. В густом и нагретом воздухе висел жесточайший запах сигаретного дыма. И плоская пепельница, набитая давлеными окурками, свидетельствовала, что запах этот не улетучивался никогда.

Подполковник Клещёногов был в своём роде человеком необыкновенным, исключительным. Оказавшись по воле глумливой судьбы в захолустной дыре, он много лет прозябал в военкомате, вылавливая нерадивых оболтусов, чтобы запихнуть их в армию, а затем его кинули на гражданскую оборону.

Мало кто догадывался, что охраняемый амазонками вояка с суровым взглядом и чёрными, вечно насупленными бровями имел задатки незаурядного и даже где-то выдающегося полководца. И если он до сих пор не вышел на первые роли, не получил под своё начало хотя бы одну захудалую пехотную дивизию, то помешала этому его излишняя горячность.

Чем отличается заурядный полководец от незаурядного? Заурядный поглощён историей побед родного отечества. Ему льстит перечень городов и крепостей, взятых у неприятеля. Для него музыкой звучат детали

Корсунь-Шевченковской операции и Брусиловского прорыва. Незаурядный — а таких единицы — штудирует в первую очередь историю поражений, дабы выявить ошибки и как следует разобраться в их причинах. Подполковник Клещёногов за годы службы накопил тьму сведений о том, где и сколько раз нас били. Он учитывал всё: внезапные дожди и заморозки, недостаток боеприпасов и предательство союзников. Вывод, к которому он пришёл, оказался ошеломляющим. Успехи и провалы были связаны не с тактическими ходами, не с предвиденьем или ошибками генералов, а с той местностью, где происходили битвы. Когда наши войска вываливались на врага из непролазных трясин и непроходимых чащоб — любой противник драпал так, что земля гудела. Любые преграды в виде болот, рек и тонкого льда были нам только на руку. И наоборот, теория «чистого поля» не выдерживала никакой критики. Вместо того чтоб как следует разгуляться на воле, воины поглядывали, куда бы смыться при первой возможности! Подполковник выяснил, что гнали нас: а) пешие, б) конные, в) танки, г) свои же, запутавшиеся в оперативной обстановке. А в тех редких случаях, когда улепётывал противник, не представлялось возможности его догнать и добить, потому что наши лошади всегда были загнаны. Обширные познания натолкнули Клещёногова на единственно возможное заключение: мы склонны к партизанщине! Так и только так! Нам бы в таёжных землянках отсидеться, чайку из болотной водицы попить, а когда мы из зарослей выберемся — о-о! — любому не поздоровится!

Сейчас, в данный момент, проживалось, по его убеждению, новое смутное время, маячили впереди грозные испытания, и никто не был подготовлен к ним лучше, чем подполковник Клещёногов. Вечерами у телевизора, не пропуская ни одной информационной программы, он

чутко следил за тем, что происходит в стране и в мире, а ещё всегда помнил, чем кончают временщики. Он вообще был осведомлён о многом. Едва ли кто в Асинске имел представление, где затоплен крейсер «Варяг», а Клещёногов имел. Он даже знал, кто автор стихов о «Варяге» — тех самых стихов, что песней стали.

В своём кабинете он не терпел ничего лишнего. Здесь, за исключением двух кактусов, всё было недолгим и непрочным: цветы чахли, растения желтели, мебель разваливалась. Зато стену украшали три карты — Асинска, России и мира. Сразу бросалось в глаза вот что: карты в отдельных местах были сильно измяты, будто в них чем-то тыкали. Самая большая — глянцевая политическая карта мира — простиралась от потолка до пола, однако белая Антарктида внизу была несколько грязновата, словно там по снегу и льдинам топтались в галошах. Страны, раскрашенные в разные цвета, вблизи смотрелись весело, а издали сливались в яркий овощной салат. России, как всегда, выпал густо-розовый. На уровне глаз находился сибирский регион, и его-то подполковник, сощурившись, рассматривал. Тайга и тундра в виде места дислокации грели душу. Поэтому канцелярские псы, налетающие из области с проверками, его мало трогали. Он терпел эти проверки, глубоко презирая их.

С появлением Янушонка подполковник Клещёногов неохотно оторвался от карты и вернулся во главу стола.

Выслушав горячее Лёвушкино желание всего себя отдать гражданской обороне, подполковник кивнул:

— Вы кто по образованию?

Лёва смутился.

— Инженер-океанолог.

— Ну-ну, выше голову! Для службы в гражданской обороне годятся все. Даже океанологи.

Клещёногов со значением посмотрел на Лёву:

— Улавливаете?

— Так точно, — отчеканил Лёва.

— Задача у нас — охватить городское население, вплоть до уборщиц конторских помещений и домохозяек частного сектора. Да, и домохозяек тоже. Никем нельзя пренебрегать! У домохозяек, кстати, имеется в головах запас практической смётки. Это огромный плюс для выживания. Наш город — пусть маленькая, но крепость на российской земле. И не надо думать, что на него не нацелены вражеские ракеты. Ещё как нацелены!

— Я полагаю, он исключительно важен со стратегической точки зрения, так как находится на сибирской железнодорожной магистрали.

Подполковник одобрительно хмыкнул:

— Правильно полагаете! Вот представьте: бомбовый удар. Массированный налёт вражеских бомбардировщиков.

Он сорвался с расхлябанного стула и простёр руки над картой Асинска, выбирая точку для удара. Палец вонзился в частный сектор рядом с городским рынком, в скопление домишек, известных как Вшивая Горка.

Лёва побежал за подполковником.

— Человек, который не подготовлен, начнёт метаться. А что сделает домохозяйка? Где она спрячется?

— Под кроватью, — быстро ответил Лёва.

— Ошибочный взгляд! Она заберётся в погреб. Выбежит в огород, спустится вниз по трапу и ещё крестом осенит себя для верности. И голову ей оторвёт лишь тогда, когда в погреб случится прямое попадание бомбы. А если оно не случится, пусть даже крышку завалит, — с учётом того, что в погребе хранятся съестные припасы: маринованные огурчики, маринованные помидоры, компоты в банках, квашеная капуста, лечо (подполковник

проявил большую осведомлённость), ей по силам просидеть автономно — сколько дней?

— Семь.

— Двадцать четыре. В связи с тем, что происходит вокруг границ, нам, безусловно, надо быть начеку. — Клещёногов переметнулся к самой большой карте, провёл ладонью по Штатам, словно стирая их, и легонько пнул Антарктиду. — Мировая обстановка не та, что прежде. Мыслимое ли дело: к американцам лезем обниматься, а от родных белорусов, с которыми вместе выросли на варёной картошке и свиных шкварках, шарахаемся, как от зачумлённых.

Он сдул с Белоруссии невидимые пылинки.

— Вы были в морях, и вам известно: если у судна сильный крен на один борт — что его ждёт?

— Опрокинется и затонет.

— Вот! И миру это грозит. Не может мир крениться на один борт! И потом. Я Клинтона знаю. Ему, мерзавцу, верить никак нельзя — ещё тот пройдоха! Европа самостоятельности не имеет. Юго-Восточная Азия — вся под американцами, Австралия и Новая Зеландия — их карманные государства, — подполковник не удержался и ещё раз саданул ботинком южный континент, — поэтому нет сомнений: пройдёт год-другой, и всё встанет на места. Сейчас у нас временная передышка.

— От чего?

— От того, что ориентиры утратили, земли профукали. Всё, что веками собиралось, эти... — Он ввернул оборот, который здесь лучше не приводить. — Не надо думать, что там, наверху, не найдётся умных людей. Они пока не добрались до штурвала.

Клещёногов на секунду умолк.

— Мы — страна не великая, но могучая. Улавливаете разницу?

— Не могу уловить, — честно сознался Лёва.

— Под словом «великая» понимаем богатство, под словом «могучая» — силу. Мы много вражеских хребтов сломали. И ни с какими американцами мы друзьями не будем. Ни с американцами, ни с англичанами. С англичанами — особенно. Мы сейчас в пыли валяемся. А они лгут. Лгут напрапалу, что добра нам желают!

— Может, маленько и желают?

— Нельзя желать добра и одновременно вытирать об нас подошвы. Они упиваются нашей временной слабостью!

— Разрешите, товарищ подполковник? — в дверь просунулась головка с кудряшками.

— Чего тебе, Ушакова? — нетерпеливо спросил подполковник.

— Кактусы полить.

— Потом, потом, не мешай! Уеду на молочный комбинат — тогда польёшь.

Клещёногов ударил кулаком по карте.

— Нам сейчас важно выиграть время. Ситуация на данный момент схожа с той, что была в начале восемнадцатого века. Историю помните? Напрасно. Историю надо учить! Карл Двенадцатый в пух и прах разбил Петра под Нарвой и уверился, что в любой момент может прихлопнуть Россию окончательно. Но не сделал этого. У него были старые разборки с Августом Вторым, и потому заносчивый швед взялся трепать саксонского правителя. Пётр по полной использовал передышку. Он был государственный и не прятал деньги в офшорах — он укреплял армию. Из доходов казны до девяноста процентов направлял на военные нужды. Построив Санкт-Петербург, явил твёрдую решимость стоять на землях у Балтийского моря и защищать их. Прямой был человек, не поганец! А что же Карл? Надо сказать этому дураку спасибо!

Он шесть лет гонялся за саксонцем и занимался разной ерундой вроде того, что сажал на польский трон своего ставленника. А на польский трон кого ни сажай — толку не будет. А ещё выдумывал тактические хитрости, к примеру, — дымовую завесу при атаке через реку, для чего шведы жгли навоз и сырое сено. Результат известен — шведов расхлестали под Полтавой. Вот и нам нужно укрепиться, пока враги наши точат зубы на Хусейна и жгут навоз и сено.

Он оказался возле карты России.

— Дороги у нас всё ещё хорошие. Это при определённых условиях — минус. Хорошие дороги надо разбить в драбадан, чтоб непролазные колеи, чтоб яма на яме. Американские танки как раз для хороших дорог. Они, чистоплюи, на пересечённой местности воевать не умеют. А у нас их чистоплюйство в расчёт не берут. И на первом этапе боевых действий, в результате вражеского десантирования, южный Кузбасс нам придётся оставить. После него и Асинск. Да, с этим ничего не поделаешь. Пути на запад и на восток будут отрезаны. Придётся отступить на север — вот сюда.

— Не может быть! — вырвалось у Лёвушки, когда он увидел, что палец спикировал в непролазные топи и даже как бы погрузился в них.

— Может! Тогда только всё и начнётся! Томская область — подготовленный партизанский край. Как только они сюда сунутся — из томских болот поднимется такой могучий кулак сопротивления, что размажет их по всей Сибири!

Лёве померещилось, будто нарисованная ряска зашевелилась.

— Томские болота вселяют в меня большие надежды!

— Но зачем нам в болото? Сырость, тучи комаров. Сопротивляться можно и тут, на месте.

— Как это?

— Враг придёт, скажет: «Работайте!» А мы работать не будем.

Клещёногов поглядел на Лёву как на больного:

— Куда-то вас не туда заносит. Это не наш метод. Врага надо заманивать, а не ложиться под него. Заманивать и внезапно бить! Но это потом. А сейчас нам надо хотя бы с десятков годков продержаться до подъёма промышленности и обновления вооружений. И постоянно укреплять армию. Укреплять, укреплять! Дисциплина нужна. Даже больше скажу: муштра! Вот опять же пример из истории. Прусские короли муштровали армию, и она была самой сильной в Европе.

— А если не нападут?

— Невозможно. Обстановка будет характеризоваться наличием широкого спектра конфликтов и кризисов. Где-нибудь непременно попробуют.

— Но почему обязательно нападать? — спросил миролюбивый Лёва. — Разве по-другому нельзя?

Клещёногов ещё раз внимательно посмотрел на Лёву:

— Вы в самом деле не понимаете?

— А чего тут понимать? Пусть едут к нам — торгуют, работают. Места всем хватит.

— Н-да. Чтобы до такой степени не иметь чутья... В основе конфликтов, да будет вам известно, лежат столкновения интересов мировых держав. А в чём их интересы? В установлении полного контроля над добычей полезных ископаемых и маршрутами их транспортировки. А у нас тут ископаемые. Куда ни глянь — кругом ископаемые! Но и маршруты — всё вместе. Как вы относитесь к президенту?

— Обыкновенно, как и любой гражданин.

— А конкретнее?

— Поддерживаю Бориса Николаевича абсолютно...

Клещёногов сморщился.

— ... но не во всём.

— Понятно. Должен сказать: я поставил вас в тупик своими вопросами. Вы отвечали подсознательно и раскрылись. Служба в гражданской обороне — это вам не семечки щёлкать. Она требует особых, специфически мыслящих людей. Вы нам не подходите.

За дверью Клещёногова амазонка, рождённая в год Собаки, вскинулась к Лёвушке:

— Что?

— Увы, — сказал Лёва, — звёзды сегодня сошлись так, что не суждено мне заняться гражданской обороной.

— Эх, — покачала головой амазонка-секретарша-Собака, — вам, наверно, гибкости не хватило. Я тут заглянула в книжку. У Быков мнение безапелляционное. Чересчур прямые они.

— Какие там прямые! — сияла довольная ведьма. — Им бы только по командировкам шастать! Им до тёлок дорваться невтерпёж! Других забот нету.

Выбравшись на улицу, Лёва задумался: куда теперь? «А не попробовать ли себя на педагогическом поприще?» — осенило его.

Школа № 17 находилась неподалёку от центра Асинска и уже поэтому была на особом счёту. Построили её перед московской Олимпиадой и даже на открытии развернули полотнище с пятью кольцами. Хотя при чём тут спортивные состязания, было совершенно неясно. Крупные бетонные блоки, из которых слепили стены, навевали мысль скорее о бомбоубежище, чем о том месте, где ребяташки помимо основных уроков обязаны прыгать через «козла», подтягиваться на перекладине и заниматься

иными подобными штуками... За полтора десятка лет из её стен выпорхнуло несколько очкариков-медалистов и призёров пусть и олимпиад, но — по физике и химии. Соответственно статусу, сюда принимались учителя, до самого основания постигшие душу ребёнка. Попасть в эту школу было ох как не просто!

Лёвушка о своём школьном прошлом вспоминал редко. Причём воспоминания не омрачались грустью. Одноклассники были, как и везде, — двоечники и отличники. Зато учителя — как на подбор сволочи. С годами, однако, вносились коррективы. Если раньше хуже были учителя, то теперь — и те и другие. Нынешние ученички, по Лёвиным наблюдениям, являлись без исключений негодьями и бандитами. Ни за что бы Лёва сюда не сунулся, если б выбор у него был шире. Но обнадеживало то, что школа была чужая и учителя незнакомые, — может, здесь всё не так?

Лето — кипучая пора ремонтов в оставленных на время классах. Это недели и деньки, когда мажут и красят всё, что можно вымазать и выкрасить. При выделении средств, конечно. Что происходит — увы! — всё реже. Завуч школы № 17 поэтому не привередничала — уж коли счастье привалило, нечего носом крутить. Она прошла по коридору второго этажа, умильно озирая стены, сияющие пахучей желтизной. Остановилась возле трёх заляпанных краской маляров, проследила, как они работают валиками. При других условиях она бы нашла, к чему придраться, сделала бы пару замечаний, но тут постояла минуту и удалилась в свой кабинет.

В этот момент в вестибюле объявился Лёвушка. Шагнув за порог, он чуть не угодил ногой в пустое ведро из-под извёстки. Раздался оглушительный грохот. Но никто не встревожился, не выбежал навстречу, не спросил: «По какому поводу вы, молодой человек, забрели сюда?»

Весь первый этаж будто вымер. Внимательно вглядываясь под ноги, Лёва осторожно двинулся по сумеречному коридору вдоль закрытых одинаковых дверей. И правильно осторожничал, поскольку в тёмном закутке едва не кувыркнулся на куче битой штукатурки. Преодолев препятствия, соискатель работы взобрался на второй этаж и вздохнул облегчённо. Здесь было светлее. Заляпанные маляры указали, как пройти к кабинету завуча. На двери не имелось никакой пояснительной таблички, поэтому имя завуча для Лёвы навсегда осталось тайной. Его встретила необъятная, рыхлая дама, словно вся слепленная из белых булок. За круглыми очками щурились плохо видящие глаза. В кружевную блузку, которая красовалась на ней, можно было впихнуть порядочных размеров тёлушку без ущерба для последней.

Кабинет был тесноват. Шкаф по левую руку от Лёвы с узкими стеклянными дверцами оказался под завязку забит книгами и классными журналами — видно, их затолкали сюда на время ремонта. Сверху шкаф украшали две зелёные, топорно сработанные модели самолётов — «ястребка» времён великой войны и незаменимого труженика полей. У кукурузника был высоко задран нос с большим серебристым пропеллером.

Лёва был встречен прохладно, как незваный и подозрительный чужак.

— Вы любите детей?

— Конечно.

— А как вы их любите?

— Обыкновенно, как детей любят. Я их не ем.

Дама вытаращила глаза, едва не коснувшись зрачками стёкол очков. Лёва поспешил успокоить:

— Я абсолютно убеждён: дети — наше будущее. Какими их воспитаем, таким наше будущее и получится.

Воспитывать надо без выкрутасов: если что — сразу по макушке. Или — за ухо.

— Но так нельзя!

— Почему нельзя? Я пробовал — можно!

— Какая-то подозрительная у вас любовь. Я вам, молодой человек, откровенно скажу: такой метод у нас не приветствуется!

— И зря! Детишкам надо постоянно мозги вправлять. Я коту вовремя не вправил, теперь мучаюсь.

— При чём здесь кот?

— Кот здесь как пример. А если упустить время, из деток вырастет такое, что вы и сами за голову схватитесь! Никому не советую встречаться с нынешними детками после одиннадцати вечера на неосвещённой улице.

— Я с вами категорически не согласна. По макушке — недопустимо! Что получится, если каждый учитель вместо того, чтобы на уроках объяснять материал, начнёт колотить своих учеников?

— Нормально получится. История тому подтверждением.

— Боже мой, какая ещё история?

— Прусские короли муштровали армию, и с ней никто не мог сладить. Эта армия шорох по всей Европе наводила! Так что и в прежние годы жили люди не глупей, чем вы и я.

— Погодите, погодите! У нас не армия. У нас школа. И если вы собираетесь вступить на педагогическое поприще, о палочном воспитании придётся забыть!

— Почему? Детишек надо так дрючить, чтобы выбитая дурь смогла вернуться в их головы лет, скажем, через двадцать. Не раньше! Тогда она хотя бы уменьшится в размерах. И потом я за единую форму одежды, в ней основа порядка и образцовости! Положен костюмчик — носи костюмчик, положен фартук — носи фартук.

И никаких вольностей! Если бы в милиции — представить только! — все одевались кто во что горазд, как бы мы смогли догадаться, что перед нами милиция? Мы бы ни за что не догадались и даже, случись ситуация, могли нагрубить штатному сотруднику.

Взгляд завуча потеплел.

— Насчёт формы я с вами заодно, это справедливое замечание. Какой предмет вам было бы по силам вести?

— Географию. Или зоологию.

— Я так и предполагала! А вы что, можете блеснуть познаниями в этих областях?

— Могу, — сказал Лёва.

— Тогда скажите что-нибудь неожиданное.

Лёва напрягся.

— Бужумбура — столица государства Бурунди.

Завуч сняла и протёрла очки.

— Этого мало.

— Для начала должно хватить, — убеждённо парировал Лёва. — Остальное подтянем.

— А что вам известно из зоологии?

— Эогиппус, меригиппус, гиппарион — предки лошади, — отчеканил Лёва.

— Ладно, попробуем с другой стороны. Всякий педагог обязан иметь творческое увлечение. Такое увлечение, которое не только бы захватило его целиком, но и стало бы наглядным примером. Чтобы ученики смотрели и у них возникала мысль: «Я тоже хочу этим заниматься!» У вас есть какое-нибудь творческое увлечение?

Лёва подумал.

— В детстве я посещал танцевальный кружок.

— Ваше детство, как я успела заметить, давно позади. И на танцора вы не похожи. Работа с детьми требует постоянного разнообразия. Дети не выносят шаблона. Я требую от педагогов, чтобы они были увлечены

чем-нибудь помимо основных обязанностей. Это развивает воображение самого педагога и добавляет новые, подчас неожиданные краски к подаче учебного материала... Итак?

Лёва помедлил.

— Футбол по телевизору люблю смотреть.

— Валяться перед экраном и пялить глаза на бездельников, пинающих мяч ногами, — это не увлечение. Увлечение — это когда своими руками. Вы что-нибудь своими руками делаете?

— А как же! Картошку и капусту в огороде посадил. Теперь урожая жду.

— Опять не то. Огород — необходимость. Вы для еды овощи высаживаете. Чтоб зимой было что в кастрюлю положить, приготовить и покушать. А для души?

Лёва нахмурил брови.

— У меня кот есть. Для души я с ним разговариваю. Только он, мерзавец, не понимает. Наверняка хуже ваших учеников. Я ему по-всякому: сволочь, говорю, ты такая...

— Перестаньте паясничать, это школа, а не цирк!

— Что вы! Мне и в голову не приходило паясничать...

— Я ведь ясно сказала: руками — для души. Неужели у вас нет тяги к прекрасному? Нет желания взять мёртвую материю и преобразить её в нечто особенное? — Она вытянула к Янушонку руки пухлыми ладонями вверх. — Вот я, например, варю мыло.

Лёва обалдел.

— Из кого?

— Что значит «из кого»? Варить мыло — процесс сложный, требует терпения. Но семья меня в этом поддерживает. У вас есть семья?

— Есть! — не задумываясь, ответил Лёва.

— Между прочим, композитор Густав Малер был внуком мыловара. Вам это о чём-нибудь говорит?

— О том, что Густав Малер был внуком мыловара.

— Опять паясничаете?

— Почему? Вы спросили — я ответил.

— Нехорошо. Вы явились на работу устраиваться, а ведёте себя как... не скажу кто... Вам, я думаю, будет интересно узнать, как рождается увлечение. Так вот, прежде чем заняться мыловарением, мне понадобилось перелопатить гору разнообразной информации на эту тему. В специализированном томском бутике закупила восемь килограммов мыльной основы. Продавец-консультант дала несколько рекомендаций, как правильно варить мыло, подобрала необходимые ингредиенты. Я приехала из Томска часов в десять вечера и сразу же начала мыловарить. Сразу! Вы не можете представить, как это было восхитительно. Я почувствовала себя творцом! Теперь-то, конечно, мне простые виды мыла неинтересны, стараюсь осваивать более хитрые рецепты. Но тогда... Существует несколько способов варки мыла. Его можно сделать с нуля — из щелочи и жиров (это, однако, слишком хлопотно), из мыльной основы или путём переплавки детского мыла. Мне больше по вкусу второй вариант. Что такое основа? Это такое совсем прозрачное мыло, без каких бы то ни было добавок, ароматизаторов и красителей. Я разрезаю его ножом на крупные кубики и ставлю в микроволновку. Когда основа расплавится, в неё добавляю какие-нибудь ингредиенты, они придают мылу индивидуальность: эфирные масла, пищевые красители, пряности, ароматизаторы. Создавая то или иное мыло, нужно иметь представление, для какого типа кожи ты его делаешь, и уже в зависимости от этого подбирать составляющие. Для детской кожи идеально подходит миндальное масло, для сухой — масло персиковой или

абрикосовой косточки, для обветренной — масло шиповника. А вот масло виноградной косточки регулирует салоотделение и сужает поры, поэтому я настоятельно рекомендую его для жирного типа кожи. Можно поэкспериментировать с разными добавками. Одной моей клиентке, которая живёт в частном доме, пришлось по душе мыло с молотым кофе, потому что оно отлично отмывает руки от угольной пыли. Сейчас я сушу еловую хвою, которую в дальнейшем планирую перемолоть и также использовать при изготовлении мыла. Это придаст ему соответствующий запах и полезные свойства — хвоя обладает обеззараживающим действием. Если смотреть широко, то для создания произведений мыльного искусства можно использовать всё, что под руку попадётся: голубую глину, какао, сухое и сгущённое молоко, мёд. Всё зависит от фантазии. Для формочек можно использовать баночки из-под йогуртов, соков, творожков, силиконовые формочки для выпечки. Застывает мыло быстро — в течение часа-двух, после чего его можно вынимать. Разумеется, иногда за основу берутся какие-то стандартные рецепты из специализированной литературы. Но по ходу варки они настолько модифицируются, что когда заканчиваешь работу, то подвигаешь листочек с рецептом, перечёркиваешь его и рядом пишешь абсолютно новый. Я обожаю экспериментировать. Стараюсь играть разными цветовыми оттенками, формами, парфюмерными мотивами. В последнее время часто делаю многослойные «тортики» с использованием мыла нескольких цветов. В этих случаях слои заливаются в формочки поочерёдно, по мере остывания нижних. Иногда при изготовлении подарочного мыла использую цветные картинки, распечатанные на водорастворимой бумаге. Пробую вручную заворачивать цветы из ещё не остывшей мыльной массы. Эстетично смотрится декоративное мыло, сделанное

по принципу аквариума: в полупрозрачной основе «плавают» разноцветные мыльные кубики, засушенные цветы, цельные зёрна кофе. С тем мылом, которое требует ювелирного подхода, и работать интересней. Итак, если вы захотите стать начинающим мыловаром, — а я уже нескольких учителей этим увлекла, — вам требуется кое-что усвоить. Прежде всего не бояться экспериментировать. Если нет возможности купить мыльную основу, лучше всего использовать детское мыло «Ушастый нянь». Оно неплохо растворяется и практически не пахнет. Чтобы приобрести эфирные масла и пищевые красители тоже необязательно отправляться за тридевять земель в специализированные магазинчики. Некоторые из этих ингредиентов можно приобрести в обычной аптеке. В крайнем случае для изготовления мыла сгодится оливковое или подсолнечное масло — и в том и в другом много витаминов, которые только порадуют кожу. При нагреве мыла доводить его до кипения нежелательно: появившиеся на поверхности пузырьки могут испортить всю красоту. Но если эта оплошность всё-таки допущена, попробуйте сбрызнуть мыло спиртом. И вообще, если получившийся результат вас чем-то не устраивает, это не беда. Бракованное мыло всегда можно переплавить и получить новое. Ну и как вам моё увлечение?

Тыльной стороной руки Лёва вытер пот со лба и не проронил ни слова.

— А вот учитель физкультуры делает у нас отличные браслеты. И знаете из чего? Из джинсов и мешковины. Получаются на загляденье! Учительница английского Аглая Николаевна мастерица по дырявым вазочкам. Физик Анатолий Кузьмич Воротилов изготавливает чудесные шарфы из помпонов. А наша Эммочка, русский язык и литература, — подарочные упаковки из пластиковых бутылок!

— Человеку свойственно иногда что-нибудь такое-этакое, — выдавил наконец Лева, чувствуя жар на щеках и зуд в ладонях. — Мой знакомый из автосервиса создаёт, к примеру, сундучки из газет.

— Как это?

— Да ничего сложного. Для начала берётся коробка нужного размера. Она обклеивается самой обыкновенной бумагой, чтобы скрыть все грязные и жирные места. Потом несколько газет режутся на ленты, из них скручиваются трубочки — много газетных трубочек: с одной стороны узкий конец, с другой — чуть пошире. Трубочки раскатываются скалкой, чтобы превратить их в полоски. Часть полосок скотчем крепится ко дну коробки, а остальные он начинает плести. Вяжет так: одну полосу вставляет в другую. Когда коробка полностью оплетена, она окрашивается гуашью и затем покрывается лаком. Для внутренностей желательнее использовать атлас. Делается чехол, к нему пришиваются кармашки и закрепляются гвоздиками. Всё.

— Как интересно! Ваш знакомый — настоящий художник!

— Да. Только у него не ладятся отношения с соседями. Он постоянно вытаскивает газеты из чужих почтовых ящиков. Соседи однажды не вытерпели и заявили на него в милицию. Было разбирательство и окончилось денежным штрафом. Люди часто не понимают творческих порывов. Зато другой мой знакомый с соседями живёт душа в душу. Они готовы на руках его носить! И знаете почему? Он делает подарочные банки! За основу берётся жестяная банка из-под сгущёнки, объёмом около пяти литров. Фон накладывается зелёной краской из баллончика. Вторым слоем — через трафарет — набрызгивается травянистый рисунок, тоже зелёным цветом из баллончика, но другого оттенка. Акриловыми красками для

стекла рисуются кистью цветы — краски белая и фиолетовая. Строительным маркером дорисовываются тонкие линии. И пожалуйста, — готовая банка-букет вручается соседской бабушке.

— Замечательно! Я думаю, все соседи в восторге.

— Конечно. Ведь у всех уже по две или даже по три банки! Одно плохо: для своего хобби он вынужден съесть невероятное количество сгущёнки. Он жрёт её ложками, мажет на хлеб, разбалтывает в чае. Но хуже всего — он своих гостей пичкает сгущёнкой! Иным путём порожнюю тару заполучить трудно. Друзья наотрез отказались ходить к нему, а сам он от этой сгущёнки до того растолстел, что похож на борова. Жена недавно сбежала от него к электромонтёру по фамилии Цильке. Тот ничего такого не делает, только шьёт игрушечных зайчиков из белых носков.

Завуч потускнела.

— Эти ваши истории с какими-то сомнительными выводами.

— Во все нет, — запротестовал Лёва. — Я просто хотел сказать, как трудно иногда творческому человеку.

— Вынуждена огорчить: в учителя вы не годитесь!

— Но позвольте...

— Нет, нет, нет.

Вечером, когда жара съёжилась, Лёва выбрался в огород — полить грядки.

Сорняки буйствовали. Осот начисто заглушил редиску. Крапива подминала огуречные плети. На дальней клубничной деляне разом загомонили дрозды. Явилось, надо полагать, несколько претендентов на одну самую крупную и красную ягоду, и начался делёж. Земледелец

растянул шланг и открыл кран. Сосед, выглянув из-за изгороди, помахал Лёвушке рукой и закричал: «Гутен абенд!» Затем спрятал физиономию под щитком и, разбрызгивая весёлые искры, продолжил сваривать из труб основу для гаража. Всё у него было не так, как у людей: даже в курятнике сидел петух, купленный в Лебедянке, но горланивший с явным иностранным акцентом. Что-то типа: «Кукеребу-уке!»

Лёва направил струю на морковную ботву. Из неё пулей вылетел мокрый Доминик.

Короткая летняя ночь явилась и растворилась.

Пока Лёвушка досматривал последний сон, Асинск успел пробудиться. Жизнь очнулась в нём и пришла в движение. Люди всевозможных профессий потянулись на работу. И хотя чадили и тонули отжившие свой век промышленные дредноуты и общая картина была пока нерадостной — то тут, то там уже наклёвывалось нечто новое. Появилось общество частных таксомоторов: несколько сияющих жёлтой краской машин бегало по ухабистым городским улицам. И владелец их, сам из бывших таксистов, начинавший три года назад с того, что выкупил в разваливающемся автобусном парке дребезжащую «Волгу», сидел сейчас на деревянной табуретке в тесной своей конторке и, глядя в графу «Доходы», довольно размышлял: «А не прикупить ли ещё пару-тройку машин?» Он вспомнил, как мотался на своей старенькой «тачке» с шашечками, с утра до вечера развозя клиентов, и накапливал денежку. Попутно устанавливал связи с бандюками и чиновниками. И вот теперь, пожалуйста: у него свой маленький гараж и двенадцать человек трудятся на него...

А ещё один, такой же молодой и предприимчивый, на месте сгнувшей обогатительной фабрики (не той, где трудился Лёвушка) устроил лесопилку. По бросовым ценам накупил оборудования, взял в аренду деляну в лесу, и дело закрутилось. Теперь у него постоянные заказчики, и пора расширять производство, а то с заявками не справляется. Не все, чего скрывать, удачливы, кто-то и прогорает. Но ведь лёгкой жизни никому не обещано.

А взять ларьки и магазины. Вот где настоящий бум — растут как грибы. Досадно, конечно, что не в производство деньги идут. Но пусть и так, пусть начинается с «купи-продай». Потом из мелких дельцов, глядишь, Демидовы вырастут. Из тех в первую очередь, которые уцелеют в разборках. И знаменитый асинский поэт Стёпа П., а по совместительству машинист насосных установок на канализационной станции, заканчивая ночную смену, торопливо записывал в тетрадку пришедшие в порыве лихорадочного вдохновения строчки:

*Шумит овёс. Летает кукурузник,
а вечер в небе распушил зарю.
Я жизни самый преданный союзник,
я это без натяжки говорю.
Конечно, жить в бедламе, в круговерти
надоедает. Но когда был рай?
Я много думал и писал о смерти,
но потому заглядывал за край,
что не хочу понять наполовину
своей души тоску, любовь и дрожь.
Мне кажется, что жизни сердцевину
нащупаешь, коль с краю подойдёшь.*

Стихотворение ещё дымилось на бумажном листке, а Стёпа П. уже прикидывал: а не отправить ли его в областной альманах?

Утро началось, как водится, с кошачьего вопля.

Но Лёва даже не стал разговаривать с мерзавцем. О чём можно говорить? Ведь не понимает же ни черта, и что-то втолковывать бесполезно! Побрившись и умывшись, он задумчиво потерябил нос: куда бы направить свои стопы сегодня? Увы, но недогадливые асинские кадровики не торопились расставить капканы, чтобы изловить ценного безработного. Однако решение было принято быстро.

На соседней улице под названием Новобольничная рядом с автобусной остановкой размещался средне-профессиональный педагогический рассадник, без перебора поставлявший кадры детским садам и яслям.

Тут надо сделать шаг в сторону.

Самое замечательное, что есть в Асинске, это — образование. Горный техникум, химический техникум, профильные училища... Получив образование, юный асинец может отправляться на все четыре стороны: хоть на производство гайки крутить, хоть в другой город. А ещё здесь существует два во все годы популярных заведения, куда ближе к концу лета призывается цветущее и свежее девичество. Первое заведение медицинское, второе — педагогическое. В первом показывают, как потрошить телесные внутренности тех, кого извилистый жизненный путь неумолимо приводит в больничные палаты, во втором аналогичные действия учат производить с душевными внутренностями малолеток — воспитанников детских садов. Первое заведение гораздо гуманней, однако Лёвушка всегда боялся вида крови.

«Устроиться бы сюда! — размышлял соискатель работы, выбираясь на Новобольничную. — Рано просыпаться необязательно: рядом с домом, минимум времени на дорогу».

За железной решёткой, в окружении заматеревших берёз трёхэтажное здание просматривалось издалека.

На излёте весны, в заключительных числах мая, когда раздухарившееся солнце лезло во все окна сразу, воздух внутри учебного заведения накалялся. Чтобы избежать перегрева, стеклянные створки распахивались, и наружу доносился звонкий щебет, сильно напоминавший птичий. В аудиториях переливались девичьи голоса — там юные воспитанницы сдавали экзамены по истории, литературе, практическому человеколюбию и всяким прочим мудрёным наукам. Застёгнутые на все пуговики невозмутимые педагогические дамы важно кивали головами, слушая ответы. Сейчас, в середине июля, хотя некоторые окна также были открыты, наружу не вылетало ни звука. Студентки разъехались на каникулы, а для нового наплыва абитуриенток время ещё только-только подходило. Педагогическое училище, в соответствии с последними веяниями, было недавно переименовано в колледж. Однако, несмотря на чудное и небывалое в наших краях слово «колледж», здесь мало что изменилось: деньги на ремонт выделяли по-прежнему скупно и неохотно.

Сюда Лёва и устремился.

Взбежав по крыльцу и толкнув дверь, он оказался перед седой старухой, сидевшей за таким же ветхим столиком, преграждавшим путь. Старуха отложила в сторону вчерашнюю городскую газету, в ней она просматривала милицейскую сводку на четвёртой странице. Среди разного рода правонарушений и пьяных драк выделялась кража в горздраве. При абсолютном попустительстве сторожа из кабинетов ночью было похищено два калькулятора, три кофейника и рыжий парик заведующей горздравом. Похитителем оказался мужчина лет примерно тридцати пяти, но задержать его не удалось. Находясь под впечатлением от кражи, старуха грозно спросила:

— Вы к кому?

— Я насчёт работы выяснить.

Старуха зашевелилась, заскрипела всеми суставами.

— С работой сейчас трудно. Кем вы хотите работать?

— Ещё не знаю.

— Как это не знаете? Явились устраиваться и не знаете кем?

— Всякие бывают ситуации. Человек рассчитывает на одно, а происходит другое.

— Происходит то, — отчеканила старуха, — на что человек рассчитывает! И если человек решил стать, допустим, преподавателем — он будет преподавателем, и никто ему не помешает.

Она упивалась своей вахтёрской бдительностью.

— Так-то оно так, — согласился Лёвушка, — но бывает иначе. Свояк моего соседа однажды попытался устроиться механиком в гараж, а взяли только слесарем. Ещё случай: девушка окончила институт и прочла в газете объявление об интересной и высокооплачиваемой работе для молодых особ — там даже комнату предлагали и косметические средства для улучшения имиджа, и всё — совершенно бесплатно! Она давай радостно названивать, думала — менеджером, оказалось — не совсем. Так что гарантировать ничего нельзя. Вот и я хочу навести справки, может, и для меня что найдётся.

— Не найдётся.

— Откуда вам известно?

— А я вас не пропущу.

— Новости, однако! Человек ищет работу, а ему даже не позволяют узнать, есть ли она.

— Да, не позволяю. Вы женаты?

— В каком смысле?

— В том самом, в котором у людей жёны бывают.

— Это к делу не относится.

— К делу относится всё! — припечатала старуха.

— Так, — решительно сказал Лёва. — Придётся раскрыть карты. Я — инспектор горно и здесь по поручению Ивана Степановича.

Старуха моментально сбавила тон.

— Кто такой — Иван Степанович?

— Вы Ивана Степановича не знаете? — Лёва сдвинул брови. Он тоже понятия не имел ни о каком Иване Степановиче. — Иван Степанович лично просил меня проинспектировать порядки в вашем колледже.

— А удостоверение у вас есть?

— У меня всё есть! Но я не об этом. Из вашего колледжа поступают сигналы. Очень плохие для вас сигналы. Особенно часто в последнее время. И первое, что я вижу — хамское отношение к посетителям. Вопиющее отношение! Согласно последнему циркуляру номер сто семнадцать дробь пятьдесят три, тех, кто превышает свои полномочия, будем увольнять. Назовите вашу фамилию.

Лёва достал блокнот и ручку.

— А я что? — окончательно оробела старуха. Циркуляр произвёл впечатление, особенно дробь. — Мне приказано — я не пускаю. У нас порядки строгие. Велено, чтоб никого посторонних! А вы бы так и сказали...

За дверью с табличкой «Директор» разговор шёл столь громкий, что Лёва счёл за лучшее подождать.

— Сегодня же смотайся к Серёдкину и скажи, что бригада мне нужна на этой неделе! Поняла? На этой! — бушевал властный женский голос. — Пусть ленивый боров пошевелится, пока дожди не пошли. Они хотят нас опять с дырявой крышей в зиму отправить? А вот хрен им! Я в область звонить буду!

— Софья Львовна, я ведь была в управлении.

— Когда?

— На прошлой неделе. И говорила с Серёдкиным, — частил, оправдываясь, другой голосок, — так он никого не дал. Людей, говорит, нет. И пиломатериалов — тоже.

— Ты завхоз или не завхоз? Сама тогда на крышу полезешь. Где течёт — титьками своими затыкать будешь!

— Да ведь я...

— Нурия, я по-татарски не умею, а по-русски ты не понимаешь. Я тебе понятным языком говорю: не испытывай моё терпение! Поезжай и, пока не выбьешь бригаду, шифер, гвозди и что там ещё, не возвращайся!

Из дверей, всхлипывая, вылетела гренадёрского роста, но словно пожёванная бабёнка в чёрной маечке и чёрных штанах.

Ну — была не была!

Лёва сделал глубокий вдох и постучал.

— Войдите! — раздался рык с той стороны.

Первое, что бросилось в глаза, — внушительный портрет седовласого президента. Лёве доводилось видеть несколько портретов с разным выражением его лица. Были хмурые, были задумчивые. Здесь распахнутый президентский взгляд был светел и вдохновенен, как на иконах мучеников, претерпевших за веру.

А ниже за полированным столом сидела тощенькая, похожая на девочку-подростка директриса. Маленький нос на гладком лице и жиденькие волосы, собранные в пучок на затылке, сильно омолаживали её. Софья Львовна Рыбалко так долго была директором педагогического заведения, что ей самой начинало казаться, что скорее стены зашатаются и рухнут, нежели она уберётся отсюда. И кресло с потёртой кожаной обивкой давно повторяло её невыразительные формы — точно старомодная тужурка сползла с узеньких плеч вниз.

Сегодня утром Софья Львовна всерьёз задумалась над тем горестным фактом, что многие из её воспитанниц,

получив дипломы, никогда, ни при каких условиях не пойдут по уготованной им педагогической стезе. «И это после всех моих усилий!» — удручённо размышляла директриса. Раньше она попросту не обращала внимания на такое. Каждый год Софья Львовна ставила перед собой две цели: удачно довести старшие группы до диплома (престиж как-никак) и чтобы воспитанницы не забеременели. Да, вот так! Беременности выводили её из себя. Причиной здесь отчасти был личный горький опыт. Две дочки поступили когда-то в институт и на первом курсе выскочили замуж. Обе так и не дотянули до высшего образования — сразу принялись рожать. Прямо как перепуганные! Богатая внуками семикратная бабка не радовалась. «Клуши! — презрительно думала про дочерей. — Ни дипломов, ни приличных специальностей. Счастье семейное им, видите ли, дороже». Зятьёв она терпеть не могла, а заодно ненавидела всех кобелей, что с лёгкостью ломают женские планы и мешают карьере. Собственный муж был выставлен из квартиры ещё в молодости. Самцы — они и есть самцы, и от них, сволочей, ничего хорошего не дождёшься! В преподаватели она допускала исключительно тех, которые неопасны. Гарантией, и то не всегда, служил возраст. После неоднократного отсева здесь закрепились двое: шестидесятипятилетний физрук и шестидесятитрёхлетний педагог по вокалу. За такую ревнивую заботу благодарные воспитанницы наградили её прозвищем — Железное Чучелко.

И всё-таки, несмотря на разъяснительные беседы, на разговоры о том, что образование первично, а семья никуда не убежит, — то у одной, то у другой студентки вдруг начинало возмутительно расти пузо. Разумеется, отбив в декрете положенный срок, некоторые возвращались. Но — пелёнки, распашонки, детские болезни... Голова на учёбу не настроена совершенно! Спросишь на уроке

такую мамашу, а у неё мысли витают далеко-далеко. Бывшие круглые пятёрочки перебивались на троечках. Проклятые беременности сбивали процент успеваемости. Каждый такой случай Софья Львовна воспринимала как оскорбление, которое разом перечёркивало все её старания. «Клуши, — повторяла она про себя. — Клуши! Зашить бы вам все ваши срамные дырки!»

Вот и сегодня утро началось с того, что явилась Светочка Ненашкина и, отводя глаза в сторону, краснея, подала заявление на академический отпуск. А ведь тоже отличница! Настроение на весь день было испорчено. Нет бы кто-нибудь другой, но почему — Светочка? Если уж совсем нельзя избавиться от рвущихся в этот мир младенцев, то почему не выскакивают замуж и не уходят в декрет Заложная или Носкова? Или та же Райкова? С этими потерями она бы смирилась... Удручало Софью Львовну и выводило из себя, что «залетали» не те.

— Вы из пожарного надзора? Мне Самопальнов вчера звонил. — Директриса как могла изобразила улыбку. — Огнетушители у нас в порядке, в начале года перезарядили.

— Нет, я не совсем из надзора.

Лёва изложил цель визита.

Софья Львовна поскущела. Уже с первых своих слов Лёвушка был обречён. Однако мудрая директриса, чтобы лишний раз не выставляя себя ненавистницей всех, у кого в штанах болтаются гнусные причиндалы, речь повела окольными путями:

— Вы раньше работали педагогом?

— Нет, как-то не доводилось. Но я умею устанавливать контакты с разными людьми, умею находить общий язык. Сами знаете, на производстве чего только не бывает. Был у меня однажды случай...

— Видите ли, педагогический труд — это непростая стезя. Приходится всю душу отдавать детям. А у нас они особенные. Девочки. Со школьной скамьи. Переходный возраст. Очень ранимые и впечатлительные. К тому же работа в колледже не всегда благодарная. Вчера встречаю двух наших выпускниц, Инночку и Олечку. Четыре года назад учёбу окончили. Способные были обе. «Девчонки, — говорю, — рада вас видеть! Как успехи? В каком детском саду работаете?» А они: «Какой детский сад, Софья Львовна! Мы давно аппаратчицы на фармацевтическом заводе». «Как же так?» — спрашиваю. «А так. Сами знаете, какая зарплата у воспитателей — слёзы, а не зарплата. Кому охота за копейки горшки выносить? А на заводе всё по-другому». — «Что значит “по-другому”? Чище, что ли?» — «Конечно чище. У нас, представляете, целый комплекс помещений со специальным входом и шлюзом для смены одежды! Там всё особенное! Мы сначала тщательно моем руки, а затем обрабатываем их дезинфицирующим раствором. Чтобы с серьгами или кольцами войти или там с макияжем и маникюром — ни боже мой. Бахилы — и те надеваются с помощью автоматического “бахилонадевателя”, и только после этого можно пройти в рабочую комнату. Вот как!» — «Ну, если бахилонадеватели, тогда — конечно. И чем же вы занимаетесь?» — «Упаковываем суппозитории». — «Чего-чего?» — «Суппозитории». Боже мой, суппозитории! — Софья Львовна всплеснула руками. — Можете вообразить: они этим гордятся!

— Работа всякая бывает.

— Нет, я ещё понимаю: таблетки от головы, от желудка, но — суппозитории! Мы ж ведь их тут музыке учим, литературе! Танцами с ними занимаемся! А они — суппозитории пакуют, чтобы те суппозитории кто-то себе потом в задницу затолкал!.. А недавно довелось побывать

в кафе, на свадьбе. Приятельница сына женила. И вижу: тамадой — Дианочка, тоже бывшая наша выпускница. Фривольные конкурсы, разнузданные шуточки. Все откровенно неприличны. У нас тут таких предметов не было, мы её таким пакостям не учили! Ещё одна, Ксюшенька, среди лучших студенток числилась. Помню, письмо Татьяны для Онегина вслух прочтёт и покраснеет вся. А сейчас содержит частную сауну. Что она там клиентам намывает — большой вопрос... Однако — к делу. Что вы смогли бы преподавать? Нам музработник требуется. На фортепиано играете?

— Никогда не пробовал.

— Тогда — что?

— Могу по специальности: вводный инструктаж для поступающих на работу, оформление актов несчастных случаев.

— У нас несчастные случаи одного порядка: когда студентки в декрет идут! — чеканя слова, объявила Софья Львовна. — Других несчастных случаев не бывает.

— Да, но...

— А для этих случаев актов составлять не надо. Вот если б вы профилактикой занялись, чтоб такого не происходило, — цены б вам не было!

— Тогда хотя бы... физкультуру.

Директриса оценивающе посмотрела на него.

— Вы на брусьях и на бревне упражнение показать можете? У вас есть разряд по художественной гимнастике?

— М-м-м... Нет.

— И как же вы будете учить? Объяснять на пальцах?

Софья Львовна уже попросту добивала Лёвшуку. Тот подавленно молчал.

— И ещё. Наши студентки — девушки утончённые, впечатлительные.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. Они ходят на физкультуру в трусиках и маечках.

— И что?

— Вы — опасны!

Лёвушка ошалело уставился на директрису:

— Как это, почему я опасен?

— Бывают случаи, когда девочки умудряются забеременеть безо всяких мужей.

— Я тут при чём?

— Вы — мужчина, — сказала директриса.

— Да, — согласился Лёва, — отрицать не стану. И у меня даже есть доказательства.

— Вот, ещё и острите, а у нас такое категорически не поощряется. Чтоб вы знали, секс — это трагедия. Огромная трагедия для педагогического образования в целом. Мы никак не можем обуздать его. После него появляются дети.

— Разве это плохо?

— Плохо! Жизнь у девочек — насмарку. Но в стенах нашего заведения я выжигаю секс калёным железом. Чтоб и духу его не было! Чтобы даже никаких намёков на него! Ваше достоинство — ваш самый главный недостаток.

— Никогда так не думал. Но что же делать?

— Искать другое место работы. И обходить такие учреждения, как наше, десятой дорогой. Почему вы головой вертите?

— Нет зелени в вашем кабинете. Не растёт, что ли?

— Чему надо — всё растёт!

Она поднялась, давая понять, что разговор окончен.

На первом этаже, в вестибюле, гренадёрша в чёрном жаловалась старухе вахтёрше:

— Вот же зараза, никакого житья от неё. Допекла уже с этой крышей — хоть увольняйся!

Старуха сочувственно кивала:

— Так, так... Правды нигде не добьёшься.

Увидев Лёву, гренадёрша округлила глаза, затем схватила его за руку и горячо заговорила:

— Товарищ, вы, часом, не плотник?

— Да как вам сказать, — растерялся Лёва. — Если потребуется — доску прибить могу. И дров наколоть, само собой.

— Наконец-то нашёлся понимающий человек! Пойдёмте, пойдёмте!

— Куда?

— Пойдёмте, сами всё увидите...

И не успел Лёва опомниться, а его уже тащили на третий этаж. Крышка над головой прикрывала лаз. Гренадёрша потёрла ладони о штаны и первой полезла наверх. «Зачем мне это?» — озадаченно соображал Лёва, карабкаясь по железной лестнице в узкий проём.

— Погодите, я сейчас покажу.

Мужественно решив: «Будь что будет», Лёва покорился неизбежному.

На чердаке толстым слоем лежала пыль. В крыше зияли дыры. Самая большая была с футбольный мяч. Сквозь неё небо казалось особенно голубым. По краям торчали обрывки рубероида и осколки шифера. Пахло многолетней гнилью. В тёмном углу ворковали и шевелились невидимые голуби. Гренадёрша запрокинула голову:

— Видите, что творится? Дождь льёт напрямую в кабинеты. Срочно необходим ремонт!

— Это да, — согласился Лёва, не понимая: зачем он здесь?

— В управлении одно твердят: денег нет, материалов нет. А я всегда крайняя. Всегда почему-то я! А что я могу сделать? Как будто именно я денег не даю!

— Тяжёлая ситуация, — кивнул Лёва.

Гренадёрша не слушала.

— Стены сырые. Наглядные пособия испорчены. В кабинете истории залило Трафальгарскую битву. Куском штукатурки чуть не прибило Наталью Алексеевну, а ведь она единственный здесь порядочный человек. Вы чувствуете, как мне тяжело? Я не могу больше, не могу!

Несчастливая женщина, схватив Лёву за руку, внезапно повалилась на истлевшие тряпки, из которых торчали куски ваты. И Лёва, охнуть не успев, оказался сверху. И пока он шарил свободной рукой, расстёгивая молнию на чужих штанах, она вскрикивала:

— Нужны шифер и плёнка! Нужны рейки и обрезная доска для обрешётки! Гвозди нужны обычные и оцинкованные!

Дальше было как в тумане.

Пока он машинально воспроизводил какие-то действия, его лицо опалял горячий шёпот:

— Вы понимаете, понимаете?.. Всё надо ремонтировать как положено. По стропилам необходимо набить плёнку, она будет являться гидробарьером. Плёнку нужно крепить к стропильным ногам при помощи строительного степлера или дранкой. Дранкой, ой — дранкой! А-а-а, а-а-а! Плёнку следует раскатать горизонтальными полотнищами и начать с нижней части крыши. Горизонтальный нахлест должен быть не менее пятнадцати сантиметров и вертикальный не менее пятнадцати сантиметров. Контррейку нужно набивать поверх плёнки по контуру стропильных ног. По рейке набить обрешётку. Обрешёточные доски нужно прибивать так: под каждый лист шифера три доски — под нижнюю часть листа шифера, под верхнюю часть листа шифера и под среднюю часть листа шифера. Нижнюю доску обрешётки прибивать по свесу стропильных ног. Шифер прибить на пять сантиметров ниже нижней доски обрешётки. Верхнюю доску обрешётки прибить по самому верху стропильных ног. Ног, ног,

ног — ай! — по коньку... Измеряем расстояние между нижней и верхней досками обрешётки. Зная расстояние между верхней и нижней досками, рассчитать нахлёт листов шифера. Высчитав количество рядов шифера и зная нахлёт, разметить крышу, чтобы правильно прибить к рейке доски для крепления шифера. Шифер укладывать с нижнего ряда. При укладке четырёх листов шифера — два в первом ряду и два во втором, ряды располагать друг над другом. В месте их пересечения образуются большие зазоры. Чтобы их избежать, необходимо срезать углы у шифера. У рядовых листов срезать диагональные противоположные углы, а карнизные, коньковые и краевые листы должны иметь лишь один срезанный угол. Не трогать углы только у начальных карнизных и конечных коньковых листов шифера. Пилить шифер можно ручной пилой или болгаркой с диском по камню. Для крепления нужны оцинкованные гвозди, по два-три гвоздя на каждый лист. Гвозди вбивать в верхнюю волну листа. Предварительно нужно в шифере в месте крепления просверлить отверстие несколько большего диаметра, чем сам гвоздь. Это обеспечит подвижность асбестоцементной кровли при перепадах температуры. О-о! О-о! О-о-о-о-о-о-ох!

Через сорок минут весь в пыли и голубиных перьях временно безработный, пошатываясь, выбрался на крыльцо. Лицо его было слегка перекошено. Он нервно проследовал мимо стройных берёз. По дороге с грохотом пронеслись две пожарные машины. На первой отчаянно завывала сирена. Лёва опёрся левой рукой о решётку ограды, окрашенной той смачной зеленью, которую именуют ядовитой. Дрожь в коленках никак не хотела уняться.

«Когда ищешь работу — чего только с тобой не происходит!» — изумлённо думал бывший инженер по охране труда.

Обходить ещё какие-нибудь конторы сил уже не было.

С противоположной стороны — от рынка и «Красноярской» — к остановке, ныряя в ямы и прыгая на буграх, придвинулась «тройка». Из неё выбрались усатый дедок в шляпе и с тяткой в руках и две гражданки.

Автобус вздохнул, скрипнул дверью и покатил дальше, к городской больнице. А дедок — щёки его были прорезаны вертикальными морщинами, отчего лицо казалось собранным в гармошку — поправил шляпу. Затем уложил тятку, обёрнутую куском старенькой тряпицы, на левое плечо и зашагал по обочине в обратном направлении. Пройдя вдоль хилой изгороди из штакетника, свернул к калитке, за которой зеленел картофельной ботвой и грядками с разной овощью огород и прятался приземистый домик. Гражданки же что-то коротко сказали друг другу и рысцой пересекли дорогу. Вид у гражданок был решительный, как у контролёров, проверяющих билеты в транспорте.

Лёва охлопывал штаны, сбивал с плеч сизые пёрышки. При этом изредка хмыкал и поглядывал на крышу педагогического заведения растерянно и даже несколько конфузясь.

— Мужчина, вы не хотели бы побеседовать с нами?

Лёвушка выпрямился. Гражданки стояли рядом, две обыкновенные девахи лет по тридцать в стоптанных пыльных туфлях. Одна — невысокая и пухленькая, в лёгкой полосатой кофточке. Полные, из-под коротких рукавов, руки были особенно хороши. Бёдра обтягивала серая, до колен, юбка. Брови, то ли выгоревшие на солнце, то ли от природы белёсые, загибались дугами, а курносый носик придавал лицу смешливое, простоватое выражение. И другая — чуть повыше, костистая, с широкими плечами и одетая невыразительно. Курносая прижимала к груди толстую книжку в мягкой чёрной обложке.

«Культурные!» — успел отметить Лёва.

Хотя девиц было всего две, он очутился в таком плотном кольце, из которого непросто было выбраться.

— Отчего бы не побеседовать? От хорошей беседы никто не откажется. Беседа освежает голову и поднимает настроение.

— То есть — вы согласны?

Лёва ещё раз поднял глаза. Дыры в крыше колледжа отсюда не просматривались.

— Да. Мне беседа нужна. Сейчас — особенно.

— Вот и хорошо, вот и славно!

Обе довольно закивали головами, а та, у которой был забавный носик, даже сморщила его.

— Но о чём мы будем беседовать? — первым заговорил Лёвушка. — Есть много в жизни такого, отчего голова кругом. Ведь как бывает: ничего неожиданного не ждёшь, а оно — р-раз! — и валит тебя с ног.

Девицы переглянулись.

— Как-то вы странно выражаетесь. Мы хотели бы побеседовать о конкретных предметах.

— Можно и о конкретных. Вокруг столько предметов! Если вы представляете одну из новомодных партий, сразу скажу: в политике у меня твёрдые взгляды, и я их менять не намерен. Я считаю, в стране необходимо ускоренное развитие рынка и увеличение занятости на местах. Правительству, если там не круглые дураки, надо усиленно поддерживать частную инициативу. Только частный капитал, вложенный сейчас в производство, способен вытащить нас из кризиса. Только он! Других путей я не вижу. Если хотите поговорить о сельском хозяйстве — пожалуйста, готов и о сельском хозяйстве: у меня восемь грядок моркови, лука, салатов и редьки. А вот в литературе я, извините, слаб, читаю мало — времени нет.

— Нет, о литературе мы не будем, — успокоила та, что прижимала томик. — Зачем нам литература? И при чём здесь разные глупости вроде развития какого-то рынка? Это всё настолько несущественно!

— Вот как? А что существенно?

— Вы своей жизнью довольны? Вы считаете свою жизнь насыщенной?

Ничего себе конкретные предметы! Лёва задумался.

— Это когда — вообще или сейчас?

— Сейчас. И вообще.

— Всякое бывает: иногда — да, иногда — нет. Но в последний час, если говорить прямо, — да, доволен. В последний час моя жизнь оказалась очень насыщенной.

Ответ сильно не понравился курносой.

— Я не знаю, что произошло с вами в последний час, но уверена, что вы ошибаетесь. Подумайте хорошенько: вам только кажется, что вы довольны!

Лёва щелчком сбил с плеча последнее пёрышко.

— Как это может казаться, когда мне совсем не кажется? Я доволен — и точка!

— Какой вы горячий! А вы попробуйте быть внимательным. Оглянитесь вокруг. Человек постоянно тешит себя иллюзиями. Как попугай, твердит себе: «У меня всё складывается замечательно, я — очень счастливый». А на самом деле до счастья ой-ой-ой как далеко. И в таком самообмане люди порой проживают целую жизнь! И дом у них есть, и машина, и денег хватает, и позволить себе могут многое, а — нет. Они умирают, не успев даже понять, что были глубоко несчастны. Представляете?

Лёва вскинул руку и розовыми ногтями поскрёб затылок.

— Ловко, однако, вы повернули. И что теперь?

— Вот! Вот главный вопрос! И ответ на него не такой уж сложный: надо открыть для себя истину.

— Ага, истину, значит. — Лёва облизнул пересохшие губы и посмотрел на курносую, носик у неё опять сморщился. — Я бы не прочь открыть истину хоть сейчас! Но в чём она заключается?

Курносая как будто ждала этих слов. Она взмахнула книжкой и объявила:

— В том, что учение о Троице — это небиблейское учение! Это учение, порождённое Сатаной. Его переняли у язычников.

— А-а, так вы эти... активистки? — догадался Лёвушка.

— Никакие мы не активистки. Мы несём людям свет истинного знания, мы, как бы сказать, пионеры на этом пути! Лёва чуть не шлёпнулся на тротуар.

— Мать честная, ну и денёк! Только пионеров мне сегодня не хватало!

Реакция обеим понравилась.

— Однако что ж мы стоим? Давайте пройдем к остановке, присядем на скамейку, там и поговорим.

— Да, присесть, я думаю, самое время...

Подхватив Лёвушку под руки, девицы увлекли его на остановку.

Под навесом остановочного павильона — напротив того, где высадились пионерки, — была скамейка. Снаружи чистенький и аккуратный, внутри павильон выглядел совсем иначе.

Надо заметить, новые остановочные павильоны появились здесь недавно, в начале апреля. И уже на следующий день, ожидая под вечер автобус, Софья Львовна обнаружила на стенках разные надписи. Ознакомившись с содержанием, директриса прямо-таки обомлела! Распоряжение последовало моментально: уборщице испачканные стенки отмыть, а вахтёрам через окно установить наблюдение, дабы выявить и запомнить, кто из молодых лоботрясов трётся возле павильонов. Мерзавцев

следовало изловить и привлечь к ответу. Вахтёры — старухи из бывших комсомольских работниц — ревностно взялись за дело. Однако неделя промелькнула впустую. Никаких подозрительных юнцов замечено не было. К остановкам выходили студентки после занятий да пожилые, совсем не похожие на сочинителей жители окрестных домов. И тем не менее всего за каких-то семь дней крашеный металл оказался изнутри исписан ещё старательней. Следующая попытка очистить стенки закончилась тем, что вскоре на них и вовсе не осталось живого места. Не доверяя авторучкам, отдельные пакудники теперь нацарапали свои творения гвоздиком. И почерк иных посланий был явно девичьим. Появились также и рисунки. Такой изощрённой похабщины Софья Львовна отродясь не видела. Бессильно ругаясь, Железное Чучелко смирилась. «Не иначе, — решила она, — художники с писателями собираются здесь по ночам, когда комсомольские старухи крепко спят на посту у окошка».

Итак, троица устроилась на скамеечке, на пёстром фоне настенных изречений и выразительной живописи. Пассажиры, если они до этого и были, успели разъехаться, и никто посторонний не мешал. Когда расселись, Лёва оказался зажат с обеих сторон. Курносая отняла книгу от груди и положила её на колени.

— Приступим? — спросила курносая.

— Приступим, — согласился Лёвушка.

Он уже понял, что разговор обещает быть основательным и серьёзным.

Из-за остановки вынырнул ветерок, закрутил по земле конфетные бумажки...

Пока разбитое и рассыпанное государство не наберёт нового могущества и влияния, из его трещин и щелей появляется такое количество невероятных и прежде

скрытых от широкой публики самых разных индивидуумов, что только диву даёшься!

Кто и когда бы в Асинске знал о существовании каких-нибудь кришнаитов? Никто бы не знал! Но пару лет назад здесь засветились и они. Правда, ненадолго. Яркие балахоны и шлёпанцы, конечно же, были впечатляющи, но у населения, больше склонного к ватным фуфайкам и привычным к грязи кирзачам, отклика не нашли, а вся их подпрыгивающая и пляшущая компания была раз и навсегда поименована дурачками. Больше повезло экстрасенсам, которых сразу объявилось человек пять. Их умение таинственно водить руками над разнообразно круглыми асинскими головами привлекло орды желающих настоящего и мнимого исцеления. Рукам работы хватало! И лишь после того, как самый влиятельный из них по фамилии Фёдоров, помахав руками, вслед за тем грубо и примитивно овладел пациенткой, и это движение сошло на нет. Но не все начинания были столь провальны. Отдельным студиям, застолбившим право на истину и прочие неизъяснимые чудеса, удалось не только во весь голос заявить о себе, но и закрепиться. И пока ситуация позволяла, они лихорадочно расширяли ряды...

Курносая откашлялась и изготавилась к долгой речи.

— Так вот, начнём с главного. Иисус — вовсе не Бог!

— Стоп-стоп! — сразу прервал Лёвушка. — Не так резко. С чего вы взяли? Как это «не Бог»? А кто же он?

— Он этот... архангел Михаил, — неуверенно сказала курносая и взглянула на товарку.

Та кивнула:

— Иисуса создал Бог под видом архангела Михаила. Он и был архангелом. А потом воплотился в обычного человека и стал Иисусом.

Она соорудила такое личико, словно сама присутствовала при этом.

Вот тебе раз! А эти дамочки, часом, не того — не разгрызают ли? Лёва покосился на авторитетную подругу курносой.

Она как более грамотная втолковывала:

— Такова была воля Бога!

Лёва никогда не принадлежал к истово верующим, однако был согласен с тем слегка сказочным мироустройством, которое предлагали бородатые батюшки, всё чаще мелькавшие в телевизоре. А тут... Бойкие нынче пошли пионеры, уж такие бойкие — не чета прежним!

— А с какой стати Михаил, как оборотень, личину поменял? Если Иисус — бывший архангел, то зачем Богу вся эта чепуха с превращениями нужна? Ну? Я могу понять, когда в театре: был какой-нибудь Иванов-Саркисов — по чуть-чуть выпивал, по чуть-чуть за бабами волочился, — а стал Гамлет! Это на сцене всё позволено.

— И Богу всё позволено, — с вызовом заявила вторая. — На то он и Бог!

— Да как же это может быть «всё позволено»?! Что он — без тормозов?

— Тут про это написано. — Курносая выпятила нижнюю губку и взмахнула книжкой. — А раз написано, значит, так оно и было.

Чокнутых Лёвушка сегодня уже видел, но сумасшедшие ещё не попадались. По всем приметам, события развиваются по нарастающей. Что-то его ждёт к концу дня! Лёва откинулся к стенке и возвёл глаза к небу:

— Господи Иисусе, ты только послушай: тебя разжаловали в рядовые! Все лычки и нимбы с тебя содрали. Не удивлюсь, если сошлют в штрафбат!

— Я понимаю, вам тяжело принять такую новость. Но мы ничего не выдумываем. Это язычники его Богом объявили!

Напротив, через дорогу, поднялось над изгородью гармошечное лицо с поперечными усами и в шляпе. Дедок всмотрелся. На остановке, как в раме, сидела троица. За её головами нечётко угадывались надписи и рисунки. Усы у дедка шевельнулись. Он припомнил, что видел в церкви на иконах вокруг измождённых святых голов какие-то буквы и знаки. Неизвестно, что померещилось старику, однако он с размаху наложил на себя крест и в смятении склонился над огуречной грядкой.

А в глубине павильона продолжалась беседа. Теперь говорил Лёвушка:

— Если по-вашему — то натуральная дьявольщина получается! Вот справляет архангел Михаил архангельские дела, а сам думает: «Нет, я вовсе никакой не Михаил, я — Иисус!» У него что — паспорт подложный был?

— Да какой там паспорт! — запальчиво вскричала вторая. — Плетёте, сами не знаете что! Вы ещё прописку с архангела стребуйте!

— Нет, везде и во всём порядок должен быть. Я, к примеру, могу назваться кем угодно, хоть Анатолием Собчаком. Встану и скажу: «Я Анатолий Собчак, извольте со мной считаться». А мне: «Предъявите документ!» А в документе указано, кто я есть на самом деле. И тут не отвертись, и никто со мной считаться не станет.

— Архангелу паспорт не обязателен. Видите: вот книга. А книги врать не будут.

— Да я про враньё не говорю, — начал оправдываться Лёва. — Мне важно, чтобы не получилось как на выборах. Я подтасовок не люблю.

— А у нас нет никаких подтасовок, мы самое верное христианское учение!

— Самое верное?

— Да, самое верное. Все остальные — ложь и заблуждения, они сбивают людей с истинного пути.

— А сколько в мире христианских учений? Ну, там католики, православные, хлысты, пятидесятники — сколько всего?

— Девятнадцать тысяч.

— Ага. Понятно. Значит, восемнадцать тысяч девятьсот девяносто девять — ложные, а ваше — истинное? Чем докажете?

Курносая совсем по-детски шмыгнула носом и призналась:

— Да мы и сами в этой книге мало что понимаем. Но ведь если так сказано — это и есть настоящая правда!

Вид у пионерок стал совсем потерянным.

— Знавал я одного человека, — назидательно сказал Лёва, — он рыбную лавку держал и тоже любил поговорить о «настоящей правде». Но когда кто-нибудь заводил речь о его делишках, у него моментально возникали разные правды. Несколько штук сразу. И все — настоящие! Только кончилось тем, что его хлопнули прямо на заправочной станции, когда бензин в машину заливал. Я полагаю, он неудачную правду кому-то подсунул.

— Как вы можете сравнивать! Торговля рыбой — одно, а мы — совсем другое. Мы вам истинный путь указать хотим, чтобы, когда мир начнёт погибать, вы спаслись, как и мы.

Со стороны городской больницы подъехала «тройка», двери открылись, зазывая всю компанию прокатиться. Подождав немного, удивлённый водитель (другие маршруты здесь не ходят) закрыл двери, и автобус отправился дальше.

За время, пока железная колымага маячила перед ними, обе девицы приободрились. Инициативу опять взяла курносая:

— Знаете ли вы, что через два года будет конец света?

— Надолго?

— Как это — «надолго»? Навсегда! Всё живое исчезнет, перейдёт во власть Сатаны. Земле грозит погибель.

— Через два года?

— Именно через два!

— Вы ничего не путаете?

— Мы никогда ничего не путаем, — торжественно объявила вторая. — Через два года всё и случится!

— Ах, чёрт! — взволновался Лёва. — Где ж вы раньше-то были? Где вас, скажите, носило?

— Что такое? — опешили обе.

— Почему меня хотя бы пару месяцев назад не нашли?! Я бы кредит в банке успел оформить! Лет на пять! Миллионов на двести!

Пионерки переглянулись.

— Вы не так поняли. Зачем вам деньги, если всё пропадёт? Представьте: через два года ничего не останется! Ни-че-го!

— На два года мне бы хватило. Уж я бы пожил!

Тут снова вмешалась вторая агитаторша:

— Деньги преходящи, а вечная жизнь — вечна. Об этом хотя бы вы догадываетесь?

— Насчёт жизни судить не могу, а вот насчёт денег — всё верно. Так преходящи, что за голову хватаюсь! Три недели назад у меня была заначка, приличная такая заначка! А теперь осталось — кот наплакал. Главное — невозможно понять: куда мои кровные исчезают? Только сунешься за калитку, купюры из кармана — фр-р! — и нету. Остаётся одно: карманы зашить. — Лёва нервно поскрёб подбородок.

— Вы опять не о том, — старалась направить разговор курногая. — При чём здесь какая-то заначка? Люди пребывают в неведении. Спасутся только те, кто отринул ложные ценности.

— Да я давно ложные ценности отринул! — махнул рукой Лёвушка. — Разве заначка — ложная ценность? Что бы я делал, если б её не было? Заначка к ложным ценностям не относится. А если у меня и остались ложные — парочка, не больше. И те, как хорошенько подумаю, не совсем ложные, а то и вовсе не ложные.

— Конечно, ложные! Однако если вы согласитесь последовать за нами — ничего не потеряно.

Лёва помолчал. Над асфальтом запорхала бабочка. Через два года ей будет хана.

— Куда последовать?

— В наше... общество.

— А вы сами точно спасётесь?

— А как же! — не очень твёрдо сказала курносая. — Надо же во что-то верить.

Лёвушка проводил взглядом улетевшую бабочку.

— Конец света может случиться, это я допускаю.

— Что значит «допускаете»? Конец света будет!

— Возможно. Но — временный. Если как-нибудь вечером отключат электричество, а над городом встанут тучи, вот и будет конец света. А утром всё начнётся по новой.

— Не смешно! — отчеканила вторая.

— Да я и не думаю смеяться. — Лёва повёл плечами. Что-то часто в последнее время его то в насмешках, то в издевательствах подозревают. Сговорились, что ли?

— Смеётесь-смеётесь! Видим, что смеётесь!

Вот же упрямые.

— Слово даю: не смеюсь!

Лёвушка вскочил, прижал руку к сердцу и поклонился обеим. Пионерки опасно придвинулись друг к другу, и Янушонку пришлось опуститься с краю, рядом с курносой.

— Я просто взял и представил себя на месте Бога и архангелов.

— Не кощунствуйте!

— И вот о чём подумал. Одно дело Землю сотворить и установить порядки на ней, другое, наше уже, эти порядки смешать, перевернуть всё, что было, вверх дном и устроить тартарарам. Они, — Лёвушка указал пальцем в небо, — сюда смотрят как в кино: что мы ещё способны учудить? Так что конца света не будет, факт! А если и будет — точно не через два года. Могу расписку дать.

— А мы верим в конец света! — с вызовом сказала вторая.

— Я не знаю, правильное ваше учение или неправильное, но каждый имеет право верить, во что ему хочется.

Курносая неожиданно всхлипнула.

— Как жить, когда всё вокруг ужасно? У Лены (курносая кивнула на подругу) мужу седьмой месяц зарплату не выплачивают. Мой, как шахту закрыли, вообще без работы. Лёг и лежит, никуда не ходит. Апатия такая — смотреть тошно.

Пионерки совсем сникли. Теперь они не были похожи ни на каких агитаторов. Ну что с ними будешь делать!

— А мыло варить не пробовали?

— Какое ещё мыло? При чём тут мыло?

— Обыкновенное мыло, для рук. Брать мыльную основу и — варить. Детишкам нравится. Если в форме зверюшек, пользуется бешеным спросом.

Лёва вдохновился.

— На детском мыле хорошие деньги срубить можно! Существует несколько способов варки мыла. Его можно сделать с нуля — из щёлочи и жиров, из мыльной основы или путём переплавки детского мыла. Но я рекомендую мыльную основу. Что такое основа? Это тоже мыло, только прозрачное, без каких бы то ни было добавок, ароматизаторов и красителя. — Память у Янушонка была замечательной, и он шпарил как по писаному. — Мыло

режут крупными кубиками и нагревают в микроволновке. Когда основа расплавится, в неё добавляют ингредиенты: эфирные масла, пищевые красители, пряности, ароматизаторы. Для каждого типа кожи подбираются свои составляющие. Для детской лучше всего подходит миндальное масло, для сухой — масло персиковой или абрикосовой косточки, для обветренной — масло шиповника. Масло виноградной косточки регулирует салоотделение и сужает поры, поэтому для сбыта ищите тех, у кого сильное салоотделение. У вас готовый кооператив: одна семья варит мыло, другая — продаёт. А пока...

Лёва порылся в кармане, вынул бумажку с Максовыми каракулями и сунул в ладонь курносой.

— ... мне тут один друг, большой специалист по сложным вопросам, инструкцию составил, как с апатией бороться, — назидательно сказал он. — Возьмите. Авось пригодится для мужа.

Девицы повели себя странно. Они беспокойно заозирались, и вторая, потянув за руку курносую, торопливо пробормотала:

— Мы пойдём...

— Идите, — разрешил Лёва. — Если с мылом надумаете — обращайтесь, я подробный рецепт запишу.

Территория городской больницы была так густо напичкана огромными берёзами и тополями, словно медперсонал, не слишком надеясь на своё врачебное искусство, всецело уповал на живительную силу природы. Когда по деревьям пробегал ветер, листья поднимали ужасный шум. В другое время здесь было тихо. Вдоль приплюснутых, выкрашенных в тёмно-красное двухэтажных корпусов вели потрескавшиеся асфальтовые дорожки.

Сами корпуса также давно и безнадежно ждали ремонта. Вокруг них, утопив руки в карманах мятых пижам, прохаживались плохо бритые молчаливые мужчины в трико с пузырями на коленях и бледнолицые женщины в халатах, схваченных в талии узенькими поясками. А те, которые не гуляли, сидели на лавочках с набежавшими домохозяевами и с мельчайшими подробностями расписывали лечебный процесс. За какие-нибудь пятнадцать минут можно было послушаться немало жутких историй с уколами, промываниями желудка и вопиющей бесчувственностью санитарок. Растроганные родственники спешно выгребали из сумок кефир, печенье, творог, яблоки и совали в руки болящих. Всё здесь наглядно свидетельствовало о том, насколько непрочен и уязвим человеческий организм.

Однако если выйти из центральных ворот больницы, взять влево и пересечь дорогу, через считанные мгновения ноги приносили к новенькому, с иголки, торговому комплексу. Возведённый полгода назад, он блистал ярко-зелёной покатой крышей. В нём обрело пристанище штук шесть всяких-разных бутиков и — отдельно — салон мягкой мебели с пёстрым набором кресел и диванов. Реклама на огромных щитах зазывала: «Детская одежда по доступным ценам», «Кресла — в рассрочку», «Бытовая химия — для вашего дома!», «Лучшее женское бельё только у нас», «Самый мягкий хлеб!». И хотя не клюнуть на заманчивые соблазны было непросто, здесь появлялись считанные единицы любопытных. Редкие покупатели, минуя бытовую химию и детскую одежду, в основном заворачивали в хлебобулочные изделия — хлеб и впрямь здесь продавали свежий и мягкий. Зато с торца, под неброской вывеской с пляшущими буквами «Загляни к нам!», было куда веселее. В небольшом зальчике с высоким потолком и оббитыми пластиком стенами

находился уютный приют для страждущих. Здесь рекою лилось пиво и опустошались стаканчики с водкой. И судя по громким речам, сияющим носам и рожам, с человеческим здоровьем был как раз абсолютно полный порядок!

Сюда Лёвушка и направился.

Нам ничего не остаётся, как последовать за ним, войти и оглядеться на пороге.

Если какой-нибудь краевед из городского музея соберётся поизучать в научных целях обстановку наших питейных заведений, он моментально обнаружит, что обстановка эта предельно проста и не возвращает посетителей оголтелым разнообразием. В «Загляни к нам!» желающих тяпнуть беленькой встречали те же самые деревянные столы и лавки, что и в «Пшеничном колоске». По всем приметам, артель «Прохоров П. И.» не испытывала недостатка в заказах. И всё другое было точно срисовано под копирку. Даже набор бутылок с яркими этикетками, что плотно теснились на полках, казалось, в полном составе переехал сюда с «Диспетчерской». Но если внимательно присмотреться, два коренных отличия всё-таки можно было отметить: первое — здесь главенствовала другая барменша, не сказать, чтоб приличного роста, но столь многотелая, что едва умещалась за стойкой; второе — большое окно, за которым начинались частные домики, окружённые огородами с торчащими из них ягодными кустами, не было задёрнуто шторой.

Из пяти имевшихся столов четыре были уже заняты. «Давай поговорим!» — требовал из динамиков Михаил Круг.

В углу, за дальним от дверей столиком, перешёптывались две девицы — одна с фиолетовыми волосами и другая с короткой причёской и огромными, словно колёса, серьгами в ушах. Девицы не столько были заняты собой, сколько разглядывали публику. Разглядывали

оценивающе и чуть-чуть брезгливо, как разглядывают не очень привлекательный товар на барахолке. В зону их внимания не попадал мятый, перетёртый временем и жизнью старик, склонившийся над бокалом вина. Заросший серой щетиной подбородок упирался в грудь — старик тихонько дремал. Сразу за стариком часто гоготали двое молодых людей — тощие, узкомордые, в джинсах и майках — у одного с драконами, у другого с летящей английской надписью: серые металлические буквы на синем фоне. Оба уже изрядно поднабрались и с откровенным интересом подмигивали девицам, но денег, судя по всему, у них водилось немного, и девицы эти взгляды презрительно не замечали. И наконец, компания из трёх человек, загорелых и крепких. Эти трое появились вместе, сидели вольготно, и в запасе у них было полтора часа. За ними должен был заехать какой-то Тимоха.

— Если Тимоха сказал: через полтора часа — значит, через полтора часа.

— А я что говорю? Тимоха не станет трепаться!

— Тихо! Про Тимоху базарить не будем.

Компания наслаждалась обстановкой. Пиво из кружек пилось неспешно, сушёные кальмары вытряхивались из хрустящих пакетиков и разгрызались с удовольствием. Но когда в удовольствиях нет недостатка, всё равно чего-то не хватает.

Один из троицы, белобрысый парнишечка в клетчатой рубашке с короткими рукавами, вынул оттопыренные пухлые губы из пены, слизнул её и заявил:

— Эх, чёрт! Плохо, что тут не подают натурального пива — только фильтрованное. Меня таким несколько не пронять. Фильтрованное — разве пиво, разве оно забирает? От него куража настоящего нет!

— Нефильтрованное, спору нет, забористей, — резонно заметил второй, в кепочке с острым козырьком,

и мизинцем выловил захотевшую нализаться муху. — Но тут всё дело в количестве. От одной кружки с любого не заберёт. А вольёшь этого литров пять — тебе и его хватит.

— Ну ты сказанул! — воскликнул первый. — Пять литров! Ты ещё вместо пива ведро воды предложи — тоже по мозгам ударит! Нет, нефilterованное — это вещь. А такое... Через почки прогнать да мочой слить. Как думаешь, Аркадьич?

Тот, кого назвали Аркадьичем, с висков начинающий сидеть мужик, кивнул:

— Можно и нефilterованное. Для дураков вполне годится.

— Ты чего, Аркадьич, что ты имеешь против нефilterованного? — обиделся первый.

— Ничего. Пей нефilterованное. Только на унитаз потом ходи осторожно, а то, не ровен час, фаянс разъест.

Пока мы тут, на пороге, оглядывались, Лёвушка заказал водку, салат из огурцов и устроился за крайним, у входа, столиком. «Давай поговорим!» — не унимался Круг. Шумная компания пивных знатоков оказалась рядом. Девушки из дальнего угла обстреливали её призывными взорами, но троица, не замечая, затеяла разговор о собаках.

— Моё твёрдое убеждение, — начал тот, что в кепочке, — собака в доме необходима. Маленькая или большая — дело вкуса. Кто-то заводит моську с крысу величинной, а у меня доберман. Понятливая псина, но, сволочь, все ножки у стульев сгрыз. Ложится на пол и гложет, как не знаю что. Я кости на рынке каждую неделю беру, но — нет, стульев ему не хватает! Моя кривилась, но терпела. А когда до её новых зимних сапог добрался — тут она и поднялась. Обоих из дома выгнала. Я ей говорю: «Я-то тут при чём? Я, что ли, сапоги грыз? Я в это время на работе был!»

— Разумно, — согласился Аркадьич.

— А она: «Оба вы одинаковы!»

— Жёны, они разве что-нибудь понимают, — авторитетно сказал губастый.

— Три дня с ним в слесарке жили. Днём работаю, а ночью тут же вдвоём на диванчике спим.

— А что жена?

— Через три дня явилась, обратно позвала.

— Обоих взяла? — живо спросил губастый.

— Обоих. Я сказал: «Один не пойду».

— И к чему тебе такие напряжения?

— Какие ещё напряжения? Мой Чарли в доме — типа громоотвода. Как замечу, что жена пилить меня начинает, я на него стрелки перевожу. А потом мирю обоих. Тут целая дипломатия.

— У меня тоже пёс был. — Губастый сдвинул к краю пустую кружку и взялся за другую. — Спаниель. Скотина редкая! Пацан знакомый на север уезжал и подогнал: возьми, говорит, скучать не будешь! Я его к Юльке и привёл.

— Не заскучал?

Прежде чем ответить, губастый надолго припал к кружке.

— Куда там! Соседи внизу зашуршат, он норы моментально рыть начинает. Весь линолеум в коридоре — в клочья. У Юльки если терпёж где-нибудь и есть, то почти незаметный. Она мне сразу ультиматум: «Или я, или он».

— И кого ты выбрал?

— Её, конечно. Я её знаю почти год, а его всего две недели.

— Разумно, — сказал Аркадьич.

Девицы, у которых лопнуло терпение подманивать собаководов, обратили наконец внимание на гогочущих джинсовых ребятишек и скоро перебрались за их столик.

— И я однажды держал кобелька, — включился в разговор седовласый. — Дёрнул же чёрт! Про его породу скажу одно: в нём каких только пород не было. И он от каждой не ума, а дури набрался. Такой кретин — хуже нашего механика. Механик хоть что-то иногда соображает.

— Аркадьич, — перебил губастый, — прошу тебя: механика, мерзавца этого, — не поминай.

— Не буду. Так вот. Пробовал приспособить для охоты — все нервы истрепал! Зайца с лёжки стронет и — нет чтобы за ним, вести его — на задницу сядет и устанется на меня: мол, видел, какого я поднял? Видел? Пришлось пристрелить, всё равно пустая собака...

Лёва допил водочку, заказал ещё сто пятьдесят. Девуцы быстро освоились в новой компании, и та, что с серьгами, уже поводила плечиком и жеманилась:

— Саня, переста-ань!

Сгорбленный старик, очнувшись, тихонько запел:

*Мне во сне привидело-ось,
Будто конь мой вороно-о-ой...*

На него тут же прикрикнул узкомордый с драконами: — Эй, дед, замолкни! Конь твой вороной...

Старик снова уронил голову на грудь.

Перешагнув порог, в грязных кедах явился новый посетитель. Облачён он был в застиранное до белёсости трико и захватанную синюю майку с вырезами на груди и под мышками. Такие майки изрядная часть мужского населения Асинска до сих пор носит под рубашкой, а укладываясь в кровать, не расстаётся с ними и на ночь. Из глубокого выреза майки лихо вздымалась шерстяная грудь. А те волосы, что пристроились на голове, никогда, похоже, не водили знакомства с расчёской и торчали дикими, свирепыми клочками. Глаза явившегося смотрели

прямо и немигающе. Ещё примечателен был нос: крупный, широкий, но не мясистый, а хрящеватый — под кожей угадывалось твёрдое. Встречаются люди, которые никогда ни перед кем не пасуют. Поставь их перед самим губернатором — хоть в майках, хоть в кедах, — они и там себя не потеряют. Новый посетитель, по внешним признакам, был из таких. С порога он гаркнул девицам:

— Привет, развратницы! Опять вы здесь?

Девицы сделали вид, что это их ничуть не касается, что этого типа они сто лет не знают и вообще: козёл какой-то. А шерстяной тем временем твёрдо подошёл к стойке и потребовал:

— Тамарочка, будь ласкова, накорми! В брюхе — аж кишки узлом завязались.

По всему чувствовалось, здесь он как дома.

— Ох, Генка-Генка, ты бы хоть переоделся, рубашку, что ли, какую накинул, — радостно всполошилась барменша. — А то ввалился, как леший.

Груды, мирно дремавшие под блузкой, вдруг разом пришли в движение, зашевелились, заегозили. И сама она замельтешила за стойкой, как потревоженная белка.

— Некогда в смокинги наряжаться. Если нужен клиент — принимай без галстука.

— Влетит когда-нибудь из-за тебя, чёрта!

— Не базарь. Я сегодня к тебе ненадолго. Забор меняю. Пока дождей нет, надо новый ставить. Покормишь — и я обратно.

— Пельменей положить?

— А то! И водки положи.

— Ах, обормот ты, обормот!

Получив требуемое, повернулся к Лёвиному столу:

— Не возражаешь?

— Не возражаю. Место не занято.

Тот кивнул, смёл с края стола мелкие крошки и устроился напротив Лёвы.

— На юге был? На Кавказе? — спросил он, уставив свои бойкие глаза в Лёвины.

— Был, — соврал Лёва. — На юге.

Нежданный сосед свирепо поскрёб крупными ногтями шерстяную грудь и опять кивнул.

— Вижу, загорел. У нас так не закоптишься. Вроде и жара, а солнце — не то. Откуда только люди деньги берут? Из какого кармана?

— Деньги — это такая материя: они или есть, или их нет, — веско ответил Лёва. — Если они есть, их брать ни откуда не надо.

— Ну-ну, — неопределённо сказал шерстяной и поднял стакан. Сделав большой глоток, сморщился. — А водка-то тёплая! Тьфу, мерзость. Тамарочка, ты чего мне подсунула?

— Может, тебе и льду ещё наморозить? Кубиками? — Барменша вместила в ответ бездну доступного ей ехидства. — Пей, какую дала!

И, развернув могучее тело, скрылась за шторкой на кухне.

— Вот жучка! Не баба, а чёрту подарок. Блоху острижёт и варежки свяжет, — шерстяной беззлобно выругался. Затем опять обратился к Лёве: — В жару тёплая водка — примерно как кислое молоко после свежих огурцов. Не скажу, что быстро наружу запросится, но на пищеварение действует очень вредно.

— Зато пиво холодное, — подсказал Лёва, успевший беленькую проредить «Бархатным».

— Знаю. Только пиво хорошо к вяленой рыбе: лещу или плотве, а для крепких закусок оно не годится.

— Тёплая водка ни для каких закусок не годится.

Шерстяной ещё раз внимательно оглядел Лёву.

— А вот тут ты, парень, врешь. Врешь, как какой-нибудь брехунец по телевизору. Взять, допустим, зиму. Когда ноги замёрзнут так, что пальцев не чувствуешь и руки как деревянные, есть самое верное средство: с мороза, если сразу к столу, опрокинуть стакан тёплой водки. Тёплая водка ничем не заменима: и зубы не ломит, и внутри согревает. Тёплую водку зимой надо пить!

— Почему зимой — тёплую? — обиделся Лёва. — У других народов совсем другие понятия. Я лично знал одного африканца. Он из самой Африки приехал и меховыми шапками торговал, а зимой пил холодную водку!

— Дурак твой африканец. Холодная водка летом, тёплая зимой — только так будет правильно! В этом виде она стопроцентно даёт то, что душа требует от природы. Тёплую водку следует принимать не наспех, а за столом и закусывать борщом или салом копчёным. Солёный помидор тоже не лишний. А летом — как раз холодная водка. Она, когда по жилам бежит, бодрит и освежает.

Он глотнул ещё раз, скривил лицо и набросился на пельмени. Они, как пташки, улетали в азартно жующий рот. Руки у него были не совсем чистые, но он этот беспорядок в расчёт не принимал и настолько яростно орудовал челюстями, что наверняка до желудка добиралось лишь размолотое месиво, в котором даже при богатом воображении невозможно было признать изначальных пельменей. Затем опять приложился к стаканчику, потянул носом воздух и обратился к Лёве:

— Вот ты говоришь, на юг мотаешься, пузо у моря греешь? Это хорошо. А ноги когда-нибудь ломал?

— Чьи?

— Свои, конечно, не чужие же.

— Нет, — опешил Лёва.

— Я тебе так скажу: не вздумай ломать.

— Да у меня и не было в уме ничего такого, — продолжал изумляться Лёва.

— И правильно! А вот моя Савельевна, венец творения, сподобилась. Ниже коленки. Забралась с веником на стол — и оттуда ласточкой вниз. И как только пол не проломила! Я в стайке у поросят чистил, слышу: завывала, будто режут. Вбегаю в дом — она раскинулась на полу и верещит: «Ой-ой, нога!» — «Какие черти, — говорю, — тебя наверх понесли?» — «Паутина в углу». Разглядела какую-то паутину! «А свалилась зачем?» — «Ноги!» — «Что “ноги”?» — «Ноги не удержали!» — «Я понимаю, — говорю, — когда смолоду к твоим прелестям подбирался, тебя ноги не держали. А сейчас-то что?» — «Расширение в коленках и горбоватость ножных костей!» Расширение у неё! Хочу поднять, она опять: «Ой-ой!» — «Нет бы, — говорю, — головой удариться, тогда б — никаких повреждений!» Машину выгнал, повёз в травмпункт. Там рентгеном просветили: перелом со смещением. В гипс упаковали, через пять дней сказали явиться. А куда ей с негнущейся коленкой на второй этаж? Она и на диване ногой не двигает. Чуть повернёт — и сразу в крик. Делать нечего — я вместо неё отправился. Смотрю, там возле кабинета калеченого народу человек тридцать — кто на костылях скачет, у кого руки на привязи, а у кого и шея в гипсе. Из всей очереди только я один, как дурак, здоровый! Два с половиной часа отсидел. Вхожу. Так, мол, и так: баба со стола навернулась, ногу сломала, привезти не смог. А врач такой... в белом халате: а где, мол, её медицинская карта? Я ему, как полагается: «В регистратуре сказали, что здесь». Он на столе бумажки перебрал: «Нет вашей карты, пусть в регистратуре ищут». Я снова на первый этаж. Там покопались и руками развели: «Пусть в кабинете как следует пошарят...»

— Знаю я немцев, — раздавалось за соседним столом. — Они, как на подбор, ушлые. Народ ещё тот!

— А я, что ли, немцев не знаю? — откликнулся губастый. — У родной тётки муж — немец! Он как спаниель: чёрта с два переделаешь. Утром хлеб маслом намажет и жрёт. Немец — он и есть немец!

— Деваться некуда — тащусь тем же порядком обратно. Этот, в белом халате, — медсестре: «Людмила Анатольевна, может — на полках?» Медсестра, кобыла тощая, зад от стула отлепила, на полках порылась — и точно, нашла. В карте снимки, четыре штуки. Эскулап берёт первый сверху, поднимает, смотрит на свет и говорит: «Да, не повезло: вот и пальцы на правой руке сломаны». Я прямо ахнул — ещё и с рукой беда! А потом вспомнил, как она ложкой лапшу мечет — варить не успеваю, и сильное меня сомнение одолело: нельзя сломанной рукой по две тарелки лапши наворачивать. Одну — куда ни шло, но — две! «Нет, на руки не жаловалась». — «Что значит — не жаловалась?» — «С руками у неё не хуже, чем у вас». Он, прощелыга, вылупил глаза и давай орать: «Не морочьте мне голову! Я же вижу: сломанные пальцы! Большой и указательный». И тут у нас перепалка вышла. Он подпрыгивает, кричит: «Пальцы сломаны!» — а я тоже упёрся: «Такого не может быть!» Он: «Может!» Я: «Не может!» — «Спорим, — говорю, — на коньяк, что пальцы целые!» Он ещё раз снимок в руках повертел и прямо затрясся: «Так это ж чужие пальцы! Как они в карточку вашей супруги попали? А?» И называет какую-то совсем мне незнакомую фамилию. Я тогда говорю: «Интересное дело! С каким это умыслом вы непонятно чьи пальцы, как пасьянс, по разным картам раскладываете? Мне с её ногой морока, а вы вдобавок ещё и пальцы суёте!» И тут он мне, сукин сын, выдаёт: «Какая разница, что там у неё покалечено. Я на этом самом месте двадцать три года сижу

и вижу: все вы, трутни, являетесь на белый свет не затем, чтобы принести государству хоть какую-нибудь пользу, а для того, чтобы что-нибудь себе сломать. Каждый аси-нец не просто подлец, но ещё и членовредитель!» Это он мне говорит!

От возмущения шерстяной снова хватанул тёплой водки.

Лёва понимающе поддакнул:

— У меня приятель есть. Он, когда в больнице с почками лежал, познакомился с одной: натурально рыжая и ростом — метр восемьдесят пять. Она с аппендицитом туда попала. И всё кончилось наилучшим образом: от жены ушёл, работу поменял и теперь живёт с той, которая метр восемьдесят пять. Такая вот с ним случилась история. Он ещё говорит, что отсутствие аппендикса в женском организме абсолютно ни на чём не сказывается.

Супруг поломанной жены медленно прищурился:

— Ты на что намекаешь?

— Как это «на что»? — удивился Лёва. — Ни на что. Сидим разговариваем. Думаю, дай-ка и я расскажу какой-нибудь случай, не молчать же.

— Твой случай к делу не относится. Эка невидаль: с бабами в больнице шашни крутить! Человек на многое способен, особенно когда таблетки с процедурами не помогают, а выздоравливать как-то надо. Я, наоборот, про врачей. Вот скажи прямо: какого ты о них мнения?

Лёва задумался, а заодно как следует отхлебнул из стаканчика.

— Вашей жене исключительно повезло, что к врачу попали вы, а не она. Иначе, увидев целёхонькие пальцы, врач тут же закрыл бы ей больничный. И на ноги никто бы внимания не обратил. Что ноги? На ноги наплевать, когда руки в порядке.

— Я про врачей тебя спрашивал.

— Местным врачам можно, конечно, доверять. Но не всегда. Лично я бы не доверял.

— Согласен! — Шерстяной даже ладонью по столу хлопнул. — Наша продвинутая медицина теперь в Израиль удрала, евреев лечит. А чего их лечить, если они и так до самой смерти живут здоровее некуда? Здесь остались недоучки одни в халатах. У них на первом месте показатели. Если каждый раз вправлять то, что не сломано, в отчётах такой процент выздоровлений можно накрутить — о-о! Самое главное в этом деле — хорошенько перетасовать снимки, а затем разложить по разным карточкам. Я их систему приписок ещё не полностью раскусил, но достаточно!

— А я о чём говорю! Если согнёт тебя с такой силой, что глаза на лоб и кишки в узел вяжутся, надо прыгать в автобус и лететь в областную больницу. А по другому — никак. Приведу пример. У нас в конторе экономисту-плановику стало плохо, его отвезли к городским эскулапам. Те сразу определили: язва. Лечили, лечили — ничего не помогает. Ну совершенно ничего! Тогда отправили в область. Областные врачи посмотрели и сказали: «Никакая это не язва — чего там местные дурью маются? — а самая натуральная пониженная кислотность». Вот как! Принялись лечить по-своему. А на вскрытии выяснилось, что ни то ни другое. Но ближе к правильному диагнозу оказались всё-таки областные светила! Там специалисты лучше.

— А насколько ближе?

— Не так чтобы очень, но ближе!

— Все врачи — жулики, — сказал шерстяной. — Они заставляют нас покупать дорогие лекарства и лечат от тех болячек, которых у нас нет. К их таблеткам и уколам надо присобачивать абсолютно других больных.

— Нет, в их лечении есть определённый резон, — возразил Лёва и подпёр тяжелеющую голову ладошкой. —

Любая таблетка, пусть даже не та, какая нужна, для чего-то ведь предназначена. Взять, допустим, тромбофлебит. Только-только он соберётся пакостить в сосудах, а ему — раз! — и упреждающий удар.

— Если так, — твёрдо заявил шерстяной, — то всех нас нужно упекать в больницы и протравливать ещё до начала настоящих болезней.

— Да! И чем раньше — тем лучше. Надо каждого россиянина, каждого чест... — Лёва икнул, — каждого честного россиянина наперёд оградить от геморроев, циститов и камней в печени, а потом уже стопроцентно здоровых подпускать к работе — к станкам, к обогащению угля, к производству мягкой мебели.

— Согласен! — снова кивнул шерстяной. — Но как это сделать?

— Нет ничего сложного!

— Но — как, как?

Лёва ощутил своё превосходство: такого рода затруднения для аналитического ума проще пареной репы. Стоит лишь достигнуть нужного градуса, и ты способен разрулить любую ситуацию. Можно не сомневаться: там, наверху, в большой политике, самые заковыристые ситуации по-другому и не разруливаются.

— Да на раз плюнуть! — заявил Лёва. — Месяца два каждого держать под капельницами и кормить всякими таблетками, какие есть. Одна таблетка будет шуровать в печени, другая в почках, а в целом получится нужный результат.

— Но от перелома ног заранее не вылечишь, — глубокомысленно изрёк шерстяной.

— Верно. Гипс заранее не наложишь. Однако в отдельных случаях можно попробовать и гипс. Для профилактики.

— Задам тебе самый важный вопрос. Вопрос, который важнее всех других: а поддаётся ли мы лечению?

Лёва возвёл глаза к потолку и помедлил. Он не искал там ответа, просто потолок покачивался. И стол, кстати, тоже слегка.

— Поддаётся. Если долго лечить — поддаётся.

— Точно?

— Точно!

— А раз поддаётся — давай выпьем.

— А за что?

— Какая разница. Не от любви к водке пьёт человек, а от недоверия к медицине.

— При чём тут медицина? — Лёва терял нить разговора, а ещё был сердит из-за того, что потолок раскачивается.

— При том. Всё в итоге к медицине сводится. — Сосед поднял пластиковый стаканчик и выдохнул шерстяной грудью. — Ну — будем!

Затем доел последние пельмени и сказал:

— Пойду. У меня там молоток и гвозди на улице. Без присмотра нельзя надолго оставлять.

Кивнув ему вслед, Лёва огляделся. В тесном зальчике сидели слетевшиеся на огонёк люди. И ещё молодые — сильные и свежие, и траченные жизнью. В динамиках Круг перекинулся на Владимирский централ: «Этапом из Твери — зла немерено...»

Печалься, человек, пока жив! Печалься и веселись!

Кто-то нацелился снять девчонок, а кто-то торопился обновить забор. У кого-то были неприятности с собаками, а у кого-то никаких собак и вовсе не было. Старик очнулся, глотнул вина и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот, значит, как...

Компания молодых зашевелилась, собираясь уходить.

— Саня, а музыка у тебя есть? — тревожилась та, что с серьгами.

— Всё будет путём! — обещал Саня.

Они исчезли.

— А где Тимоха? — вспомнил губастый.

— Да, Тимоха где?

— Чёрт с ним, — сказал Аркадьич. — Посидим ещё.

И Лёве хорошо сделалось оттого, что лето на дворе и что дни идут привычным проторенным руслом. Тёплая волна, поднявшись снизу, от желудка, прихлынула к сердцу и выше, к глазам, в которых продолжал покачиваться потолок. Лёва подержал на ладони стаканчик с остатками тёплой водки и медленными глотками допил её.

Утром во всю мочь завопил Доминик.

— Опять ты, подлая скотина, спать не даёшь, — застонал, ворочаясь, Лёвушка. — Удавлю...